

Наталья Андреева

ДЕТЕКТИВ & ЗАГАДКА

Браки
расторгаются в аду

Наталья Андреева

Браки расторгаются в аду

«Автор»

2013

Андреева Н. В.

Браки расторгаются в аду / Н. В. Андреева — «Автор», 2013

ISBN 978-5-699-67316-2

Говорят, браки заключаются на небесах. А где же они тогда расторгаются? Судя по ситуации, в которой оказалась Зинаида Царева, – в аду! Муж бросил ее ради двадцатилетней девушки, причем все нажитое за четверть века в законном браке отобрал, оставил Зинаиду без денег и без жилья! И что же ей теперь делать? Надо как-то остановить злодея! Зинаида – женщина энергичная и с характером. Она решает похитить новую пассию своего супруга и пару недель подержать девушку взаперти, в лесном домике. Пока Иван Иванович Царев не станет сговорчивей. А там, глядишь, старичка и удар хватит, тогда (о счастье!) Зинаида – богатая вдова. Сказано – сделано! Соперница исчезает, но когда в квартире у Зинаиды вдруг появляется полиция, до предприимчивой дамы начинает доходить, что этой непростой ситуацией кто-то воспользовался в своих целях...

ISBN 978-5-699-67316-2

© Андреева Н. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая	5
Ах ты, мерзкое стекло!	5
Чернавка	12
«Богатыри»	17
Весть царевну в глушь лесную!	21
Царь с царицею простился	28
День прошел, как сон пустой	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Андреева

Браки расторгаются в аду

Часть первая

Ах ты, мерзкое стекло!

Одни говорят: пришло время циников, другие мягко их поправляют: не циников, а реалистов. В любом случае это мое время, хотя бы потому, что я с детства ненавижу сказки. Тем более меня на них воспитывали, а я этого терпеть не могла, я ведь взрослая девочка, мне даже кажется, что в семь лет я уже была гораздо взрослее и умнее своей мамы. Ведь она училась жизни по книжкам, а я с самого раннего детства понимала: намного ценнее собственный жизненный опыт.

Так, уже с первого класса я усвоила: определяющим в среднем балле школьного аттестата является место работы родителей, и перестала переживать по поводу плохих оценок. Поскольку я росла без отца, а моя мама не подвизалась в торговле (в советское время хорошие вещи приобретались только «по благу»), то и золотая медаль мне не могла достаться по определению. Я это поняла и успокоилась. А вот мама принимала все за чистую монету, и то, что единственная дочка завмага круглая отличница, считала совершенно естественным. Ее она хвалила и называла «хорошей девочкой», а меня ругала за плохие оценки. Меня так и подмывало сказать:

– Ты бы хоть раз подарила моему классному руководителю что-нибудь, кроме открытки со своими стихами, и проблема была бы решена.

Почти каждый день ровно в восемь часов вечера мама брала в руки толстенную книгу и каким-то особенным голосом, низким и значительным, говорила:

– Сейчас, Зинаида, мы с тобой будем читать сказку.

Это звучало так торжественно, будто я Золушка и меня уже пригласили на бал. Добрая фея в лице моей мамы обещает мне сияющее, как хрустальная туфелька, счастье. А мне, честное слово, ехать туда не хотелось, на этот бал. Ну не хотелось, и все тут. Потому что мне не нравился принц. Мне нравился король. Я сразу поняла, что в любой сказке он главный. Но король бедняжку Золушку почему-то не замечал, а изо всех сил подсовывал ее своему дефективному сыночку, ибо как еще назвать идиота, который искал жену по размеру ноги? Со зрением у него точно было не в порядке, раз он не узнал девушку, с которой протанцевал весь вечер. Однажды я не выдержала и спросила:

– Мам, а почему принц не носил очки? Разве папа-король не мог его заставить? Вот ты же заставляешь меня есть манную кашу с комочками, хотя я ее терпеть не могу, особенно комочки!

– Очки, какие очки? – озадаченно спросила мама, оторвавшись наконец от книжки.

– А зачем мерить туфлю, чтобы понять, та это девушка или не та? Значит, принц ее не разглядел как следует, когда танцевал с ней на балу. А все почему? Потому что он был сильно близорукий и не носил очки! Не напился же он, как Алькин папа, который наутро совсем не помнит, что натворил вчера? Принц, он что – тоже пьяница? Я такого мужа не хочу! Алькины родители все время ссорятся и дерутся!

– Зина, как можно? – всплеснула руками мама. – Это же сказка!

– Но если мне не понятно, почему я не могу спросить?

– Ты... ты не ребенок! Ты чудовище! – и мама расплакалась.

Больше я таких вопросов не задавала. Чудовище так чудовище. Лучше уж я буду чудовищем, чем такой, как эта противная дочка завмага, врушка и задавака. А по словам моей мамы, она «хорошая добрая девочка». Уж я-то знаю, какая она добрая! Лопает свои бутерброды с икрой тайком, запершись в туалете, чтобы никто не попросил: ну дай хоть разок уку-сись! Остальные-то икру в глаза не видели, это же дефицит! Как ее только не стошнит, эту противную девчонку! И еще я знаю, что математичка исправляет ей синей ручкой ошибки в контрольных работах, чтобы вытянуть на медаль, а потом бежит к ее «доброй» мамочке в подсобку за дефицитными финскими сапогами. И все это знают, вся школа. Но скажи об этом моей маме, она опять начнет мне выговаривать:

– Как можно, Зинаида, так плохо думать о людях?! Ты просто чудовище!

А что тут думать? Все и так очевидно, и все, кроме моей матери, это понимают. А она как инопланетянка. Но я-то на ее сказочной планете псевдохороших людей жить не собираюсь. Я хочу жить в реальном мире.

Что же касается обожаемой всеми девчонками сказки о Золушке, я почему-то уверена, что когда король умер, в стране произошла революция и законный наследник, лишенный всего, отправился прямиком в ссылку. Вместе с бедняжкой Золушкой, которая, слава богу, с детства была готова к лишениям. Мудрый король прекрасно все это понимал, не случайно же он выбрал ее из десятков претенденток в жены для принца, хотя она и была бесприданницей. В мире ничего не происходит просто так. Лично я не верю в случайности.

Мне было всего пять лет (именно с этого возраста я себя помню), когда я четко усвоила: что написано пером, не вырубишь топором. Я, стараясь не зевать, утопала в огромном кресле, а мама, которая сидела в кресле напротив, торжественным голосом читала мне очередную сказку. Ее кресло было точь-в-точь такое же, как мое, но оно не казалось огромным, когда в нем сидела мама, потому что она была высокой и грузной. Каждый день ровно в восемь часов вечера меня начинали воспитывать. Педагогический опыт моей родительницы, почерпнутый из книжек, говорил, что лучше всего это делать на примере сказочных персонажей. Сама она работала в библиотеке и свято верила в силу печатного слова.

– «Сказка о мертвой царевне», – торжественно объявляла она, и я пыталась подсчитать, в который же раз я ее услышу, эту сказку? Поскольку считать я тогда умела лишь до десяти, то вывод мой был таков: десять раз по десять. Разумеется, это преувеличение, чтобы вы могли представить, насколько же мне все это осточертело еще в возрасте пяти лет. А мама вовсе не собиралась останавливаться на достигнутом. Книг у нее в библиотеке было полно.

Все случилось из-за нее. Из-за этих проклятых сказок. Когда я начинала капризничать, мама строго спрашивала меня:

– Что случилось, Зинаида?

– Скучно.

– Как это скучно? – удивлялась она.

– Ведь это же все неправда! Так не бывает!

– Сказка ложь, да в ней намек, – многозначительно говорила мама.

Это из-за нее я стала воспринимать все без исключения сказки, и авторские, и русские народные, как руководство к действию. Или инструкцию по эксплуатации.

Как вам это?

*Весть царевну в глушь лесную,
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам!*
(Восклицательный знак лично от меня.)

Говорила же мне мама, что у Пушкина есть ответы на все вопросы, а я в этом еще сомневалась! И напрасно! В безвыходной ситуации я открыла книгу его сказок и все, что мне надо, там нашла.

Но обо всем по порядку. Первые мои слезы были по поводу Василисы Премудрой, когда я поняла, что другого конца у этой сказки не будет. Что Василиса так и выйдет замуж за Иванушку, а Кощей умрет. Лично мне в этой сказке больше всех нравился Кощей. Ох, как же он был мне симпатичен! Мне хотелось, чтобы он был счастлив, женился бы на Василисе, и она бы тоже стала бессмертной. Вот кого я, убей, не понимала! Она же такая умная, да к тому же волшебница. Охота ей связываться с простым смертным? То ли дело Кощей! Сундуки полны золотом и бриллиантами, вся мебель импортная, та самая, на которую в магазине очередь сроком на сто лет. Прислуги у него полон дом, даже Баба-яга, знатная гадалка! А как он любит Василису! Вот за что его убили? За то, что любил? Но он же не виноват, что полюбил именно Василису! И сначала он ее добивался по-честному: предложил замуж. А уж когда она отказала, превратил ее в лягушку, чтобы никому не досталась. Какая же она Премудрая, если вышла за Иванушку? Уверена, что она об этом сто раз пожалела. Вот я бы своего шанса не упустила, выбрала бы Кощея.

Зигмунд Фрейд легко бы объяснил мою особую симпатию к мужчинам, которые мне в отцы годятся. Комплексом Электры или какой-нибудь другой психической болезнью. Но не будем вдаваться в дебри психологии. Нас ждет история гораздо интереснее.

По факту.

Лично я поступила с точностью до наоборот, когда пришло мое время выходить замуж, хотя у меня тоже был свой Иванушка. А точнее, у меня их было двое, Иванушка и Иван Иванович. Двое женихов. О! Я хорошо усвоила урок! Хотя мама мне говорила:

– Зинаида, ты сошла с ума! Ты еще девочка, а Иван Иванович – взрослый опытный мужчина. То ли дело Ванечка. По-моему, вы с ним отличная пара.

Но я так не считала. Я была счастлива, что Иван Иванович обратил внимание именно на меня, и вовсе не собиралась превращаться в лягушку. Он был очень удивлен, когда я ответила согласием.

– Не ожидал в вас, Зиночка, такой житейской мудрости. Ведь вы совсем еще девочка.

Это я потому мудрая, милый, что в детстве мне читали сказки. И я извлекла из прочитанного урок. И потом: мне он в самом деле нравился гораздо больше, чем Ванечка. Я его жалела, Иван Ивановича, ведь он был такой одинокий в свои сорок пять лет, такой, как мне тогда казалось, несчастный. Я распахнула для него свое сердце и дверь в свою спальню. Он стал моим первым мужчиной и очень этому удивился и обрадовался. Я же осуществила мечту: исправила сказку, написав ее конец по-своему. Кощей получил достойную награду за свою любовь. А я получила в одном флаконе мужа и отца, которого мне так не хватало. Кто скажет, что два в одном это плохо?

В своем выборе я не ошиблась. Еще в советские времена, которые все теперь вспоминают с благословенной грустью, у Ивана Ивановича все было: большая московская квартира, хорошая машина, двухэтажная дача. Но по-настоящему он развернулся после того, как партийная номенклатура поделила между собой народное достояние: фабрики, заводы, шахты, нефтяные скважины, лесные угодья и т. д. Народу раздали бумажки со словами: «Вот вам каждому по Волге. Имелась в виду машина «Волга», заветная мечта каждого советского человека, условная стоимость которой и значилась на бумажке: 10 000 рублей. Как вы сами понимаете, в стране тогда не было столько машин, сколько этих бумажек. В итоге самые предприимчивые поменяли свою «Волгу» на бутылку водки, чтобы поскорее забыть об этом кошмаре, а глупцы вложили несуществующую машину в такие же мифические инвестиционные фонды, которые вскоре после этого испарились. И «пайщикам» пришлось взглянуть на все трезвыми глазами,

признав собственную глупость. Так в стране произошло массовое ограбление простого народа, которое деликатно называли приватизацией.

Мой Иван Иванович был среди тех, кто прекрасно знал истинную стоимость ваучера. И знал, для чего это все затеяли. Олигархом он не стал, но сделался почти олигархом. Или, как еще говорят, ООМ. (Очень обеспеченный мужчина.) Он приватизировал завод, директором которого на тот момент являлся, и тут же назначил себя председателем правления совета директоров. Короче, захватил контрольный пакет акций. А я стала гендиректором ООМ. Приватизировала Иван Ивановича вместе с его очками, лысиной и брендовыми пиджаками, захватив контрольный пакет акций на все его чувства в полном их объеме. И мы зажили душа в душу, я с ним, а он со своим заводом.

У него всегда все было хорошо. У меня тоже все было хорошо. Как вы сами понимаете, я ни дня не работала. Не возникало необходимости. На мне лежали обязанности хозяйки большого дома. Иван Иванович зарабатывал миллионы, а я принимала в доме людей, которые ему в этом помогали. И все они были довольны. Хотите верьте, хотите нет, но я ему не изменяла, своему Ивану Ивановичу. Об этом в сказках ничего не было, ни в русских народных, ни у Пушкина. О любовниках. Двадцать четыре года у нас с мужем все было хорошо, а потом...

Сначала я подумала, что на стекле появились мелкие трещинки. Я имею в виду зеркало, которое всегда являлось моим лучшим другом. Я даже разговаривала с ним.

– Я ль, скажи мне, всех милее?

И оно, улыбаясь, кивало.

У меня и детей потому нет. Жаль было портить такую красоту, ибо я на самом деле хороша необыкновенно. Как только я представляла, что это прекрасное тело, истинное совершенство, будет обезображено огромным животом... О, нет! И еще сто раз нет!

И вот зеркало, которое всегда было мне лучшим другом, стало дурить. Как я уже сказала, сначала я подумала, что это от старости. От его старости. Оказалось, что от моей. На фигуре возрастные изменения мало сказались, я по-прежнему была стройна, но вот лицо...

Со мной перестали знакомиться на улице. Раньше и дня не проходило, чтобы какой-нибудь мужчина не подскочил и не открыл передо мной дверь. Я даже не замечала всех мелких знаков внимания, которые оказывал противоположный пол моей красоте. Потому что их было столь много, этих знаков, что, если замечать их, право слово, так и жизнь мимо пройдет. А мне очень нравилась моя жизнь. Точнее, ее радости, коих у меня благодаря Ивану Ивановичу было много.

Я чуть ли не каждый день слышала:

– Девушка, а можно ваш телефончик?

Мне всегда казалось, что мир вращается вокруг меня. Мужчины столбенели, едва я появлялась на горизонте. Бог дал мне такую фигуру, что она могла бы запросто украсить какой-нибудь музей, изваяй меня из мрамора известный скульптор.

Но однажды я услышала:

– Женщина, здесь парковаться нельзя.

Сначала я ушам своим не поверила. Парень в жилете ядовитого лимонного цвета запрещал мне, красавице, парковаться там, где я хочу, да еще и назвал меня женщиной! До сих пор ко мне обращались исключительно «девушка». Я подумала, что он меня не разглядел как следует, и до упора опустила ветровое стекло. Сказала с улыбкой:

– Извините, я не расслышала.

– Я сказал, женщина, здесь не место для парковки, – зло ответил он. – Проезжайте мимо. А если вы глухая – обратитесь к врачу!

Это был первый раз, когда мне нахамил. То есть женщины хамил мне и раньше, я давно привыкла, что все они – мои смертельные враги. Но чтобы мне нахамил мужчина?! Такого отродясь не бывало! Едва отъехав, я впиалась взглядом в зеркало. Что не в порядке с моим

лицом? Решила, просто макияж неудачный, потому что мне некогда было разглядывать свое отражение, руля по запруженным машинами московским улицам.

Но через день я опять услышала:

– Женщина, вы в банкомат стоите?

Мне чуть плохо не стало. Я кинулась домой и стала всерьез разбираться с зеркалом.

– Что ты хотела, Зинаида? Старость пришла, – грустно сказала оно.

Какая, к черту, старость! Мне всего лишь сорок два! О, господи! Мне сорок два!!! Это еще повезло, что до сорока меня называли «девушкой»!

Я кинулась к пластическому хирургу. И тут меня ждало главное разочарование.

– Круговую подтяжку делать рано.

– А что тогда делать?

– Можно попробовать ботокс. Или рестилайн. Но честно предупреждаю: с вашим типом лица могут быть проблемы.

– А что такое с моим типом лица?

– Видите ли, у вас слишком тонкая кожа. Придется закачать вам столько яда, что могут возникнуть сильные головные боли. Это раз. Ботокс – это ведь яд.

– Я в курсе.

– Филеры вам не поставишь, это два. Как я уже сказал, кожа слишком тонкая. Появятся бугры. Блефаропластику тоже делать бесполезно. У вас нет на лице жировых отложений, скорее напротив. Синяки под глазами от того, что видны мельчайшие сосуды. Резать нельзя, напротив, надо закачать туда жир, но поскольку кожа тонкая, то я не уверен, что будет лучше, чем сейчас. Синяки, конечно, исчезнут, но лицо будет деформировано. Не советую также фраксель, глубокий химический пилинг, да и вообще аппаратное вмешательство. Вам нельзя жечь свою кожу, потому что она...

– Слишком тонкая. Это я уже поняла. А что мне делать?

– Стареть с достоинством, – пожал плечами пластический хирург. – В конце концов, полно известных актрис, которые принимают себя такими, какие они есть, и не делают пластику.

– Да плевать мне на них! Я не хочу стареть! – Я вскочила.

– Вы рискуете себя изуродовать, – сказал он. – Вы очень красивая женщина, Зинаида Андреевна, и мне будет жаль, если на вашем прекрасном лице появятся шрамы. Это еще больней, чем видеть морщины. Вы, конечно, можете обратиться к другому пластическому хирургу, и он скажет вам: «Давайте попробуем». Но не приходите потом ко мне. Я вас честно предупредил о последствиях.

Я вышла, проклиная свою тонкую кожу, которой раньше так гордилась. Лицо у меня всегда было, как у фарфоровой куклы, нежное, гладкое. И вот этот изысканный фарфор начал трескаться, причем оказалось, что он не подлежит реставрации!

Я сидела в машине и горько плакала. Я прощалась со своей молодостью и мучительно раздумывала: что же теперь делать? А мимо проходили люди, и среди них – молоденькие хорошенькие девушки. Я впервые смотрела на них с завистью. На всех. Вон какие подросли! Поднялись и расцвели! А я состарилась. Ну почему такая несправедливость? У меня есть все, а у них только молодость, и я, в отличие от них, чувствую себя очень несчастной. Выходит, молодость – это все? Выходит, она и есть счастье... Почему я раньше об этом не думала? До тех пор, пока не услышала:

– Женщина...

Хорошо не бабушка.

С тех пор мы с зеркалом почти не разговаривали. А потом я узнала, что у мужа появилась молодая любовница. Эти охотницы за олигархами заполонили все московское пространство.

Для них нет ничего святого. За деньги они готовы душу дьяволу продать. Раньше я их не боялась, потому что зеркало говорило мне:

– Ты – самая красивая в мире.

И это была святая правда. Я не встречала женщины красивее себя, потому и была спокойна. Мой Иван Иванович знал, что в любом месте, хоть на премьере в театре, хоть на пляже в Майами, самая прекрасная женщина стоит, сидит или лежит, в зависимости от обстоятельств, рядом с ним. Я была исключительно хороша, что в вечернем платье, что в купальнике. Само совершенство. И вот все кончилось. Нашлось другое совершенство, гораздо совершеннее меня. Просто потому, что я состарилась.

О! Будь мне двадцать или хотя бы тридцать, я бы этой Анжеле сто очков вперед дала! Ни одна женщина в мире не будет так хороша в двадцать лет, как хороша была я! Я ведь стала следить за мужем, как только поняла, что он ко мне охладил, и потому не раз и не два видела эту Анжелу. Я внимательно ее изучила и пришла к выводу, что ей в ее двадцать до меня двадцатилетней далеко. Несмотря на модельный рост, смазливое личико и нарощенные ногти. У нее, похоже, все нарощенное, и волосы тоже. Я уж не говорю о мозгах! Они у нее такие же силиконовые, как и губы, умные мысли там не живут, исключительно пошлость и штампы. Анжела – типичная жертва моды. В двадцать лет я вообще ничего не делала со своими волосами, они вились сами по себе, мне оставалось только аккуратно подрезать кончики. И ногти у меня были свои, замечательной формы и такие твердые, что при любой длине не загибались. Но дело в том, что мне теперь не двадцать, а сорок. Точнее, сорок два. Волосы мои больше не выются, и в них появилась седина. Конечно, я их крашу, но ведь все это видят! Я – женщина с крашеными волосами и мелкими морщинками вокруг глаз. Еще и губы словно бы опали и похожи теперь на увядшие лепестки розы. Я состарилась и даже не заметила этого.

Зато это прекрасно заметил Иван Иванович и поспешил найти мне замену. Он сказал, что я тунеядка, гвоздя моего в его доме нет, и я должна убраться из особняка на Новой Риге в том, в чем туда пришла. В своем единственном парадном платье. То, что я двадцать лет принимала в этом доме нужных мужу людей, устраивала званые обеды и зажигательные вечеринки, улыбалась дамам и господам, которых терпеть не могла, выслушивала пошлые комплименты, а порой подвергалась откровенным домогательствам, кои пресекала с присущей мне ловкостью, – все эти мои подвиги он в одну минуту забыл. Я оказалась больше Иван Ивановичу не нужна. Все наши друзья приняли его сторону. Люди всегда принимают сторону сильного. К тому же я состарилась и больше не представляла интереса для мужчин в качестве партнера по постельной гимнастике. Меня предали все, и рассчитывать приходилось только на себя.

Какое-то время я с тоской читала заметки в светской хронике о разводах олигархов. Кому-то из бывших жен достался особняк в Лондоне, кому-то компенсация в десять миллионов долларов. Все они разводились по месту жительства, кто в Англии, кто в Швейцарии. А мне придется делать это у нас, в России, да еще не имея денег на хорошего адвоката! Когда-то я неосмотрительно подписала составленный Иван Ивановичем брачный контракт, по которому отказывалась от принадлежащих мужу акций. Как же я была глупа!

И что мне делать? Не я начала эту войну, и кто бы на моем месте согласился отдать свое девчонке, которая возжелала получить все и сразу, уведя из семьи ООМ? Я отслужила при Иван Ивановиче почти четверть века и даже пенсию по возрасту, как оказалось, не заслужила. Это несправедливо, и я решила действовать.

Поскольку мне больше не приходилось рассчитывать на красоту, я решила подключить свой ум.

Раньше я не пользовалась этим капиталом, хватало тонкой талии и длинных стройных ног. Но я всегда считала себя женщиной неглупой, раз не совершила ту же ошибку, что и Василиса Премудрая. Мой ненаглядный Кощей больше двадцати лет исправно платил по моим

счетом. А я наслаждалась жизнью. Когда дело запахло разводом, я всерьез задумалась: как мне поступить?

Вот тогда мне и вспомнилась эта сказка.

Весть царевну в глушь лесную,
И, связав ее, живую
Под сосной оставить там
На съедение волкам.

И я начала разрабатывать план...

Чернавка

План мой был таков. Организовать похищение Анжелы и пару недель продержать ее в лесу, разумеется, не привязанной к сосне, а в деревенском доме, хоть и без удобств, но зато с телевизором. Просто на время убрать девушку с глаз долой и тем самым решить свои проблемы. Мой Иван Иванович уже не молод, ему шестьдесят девять, и у него был один инфаркт, после которого его и потянуло на молоденьких. Выписавшись из больницы, он сказал мне, что видел Смерть. С тех пор я с крайней неприязнью отношусь к Смерти, потому что это она внушила мужу мысль, что он умрет, не оставив наследника, а я завещаю все любимой собаке.

И что тут такого? Даже люди, у которых есть дети, оставляют миллионы в наследство домашним питомцам. Но Иван Иванович пришел в ужас. Должно быть, из-за того, что несколько сотен квадратных метров элитной недвижимости получит в законную собственность тойтерьер, с легкостью помещающийся в коробке из-под модных туфель. Сказал бы спасибо муж, что я не составила завещание в пользу хомячка! А он вдруг озаботился мыслью родить наследника. Так в его жизни появилась Анжела.

Теперь о телевизоре. Это лучшее, что я могу ей дать, и пусть она скажет мне спасибо. Ибо Анжела не мыслит свою жизнь без этого ящика. Она просыпается к полудню и тут же берется за пульт, после чего намертво приклеивается к экрану. Смотрит примитивные сериалы и кретинские ток-шоу, а в особенности обожает реалити-шоу, где люди рвут друг другу волосы и глотают насекомых и прочую пакость, лишь бы остаться в ящике. Сплошная мерзость, от которой Анжелу невозможно оторвать. В перерывах между мерзостями Анжела глотает рекламу, щедро заедая ее черной икрой и запивая шампанским «Мадам Клико». Маникюрша, парикмахер и стилист, равно как и массажист, ходят к ней на дом. Сама она выезжает оттуда исключительно в модные бутики, и то по выходным, когда, по ее мнению, ничего стоящего по телевизору не показывают. Читать она вряд ли умеет, ее словарный запас примерно такой же, какой был у ее отца, когда он приехал в Россию с Мадагаскара. С тех пор папаша Анжелы прекрасно научился говорить по-русски, но не научил этому дочь, видимо, потому, что просто о ней позабыл. Детей у него семеро, от трех разных жен. Иван Иванович уверен, что Анжела будет столь же плодовита.

«Белолица, черноброва, нрава кроткого такого».

Черноброва, это да. Насчет лица. Дело в том, что Анжела – мулатка. Вот такая сказка. Но ведь и Пушкин был на четверть араб, он очень уважал своего великого предка и даже написал по этому поводу повесть «Арап Петра Великого», которую, кстати, так и не закончил. Но я уверена, что там все завершилось бы хорошо. Вот почему, глядя на Анжелу, я вспоминаю именно Пушкина. Она ведь тоже полукровка.

Насчет ее нрава стоит сказать отдельно. Как подсказывает мой жизненный опыт, кроткий нрав обычно бывает у слабоумных. Взять царевну из сказки Пушкина. Живет человек в глуши, куда попал, окончательно и бесповоротно заблудившись. Если бы это было не так, что ей мешало вернуться домой, к жениху, которого она любила без памяти, раз отказала семи претендентам на руку и сердце? Значит, дороги назад царевна не нашла, что тоже говорит о ее невысоком IQ. Вблизи лесного терема нет не то что дачного поселка, вообще никакого человеческого жилья, даже избушки лешего. И вот приходит нищенка и просит милостыню. Нет чтобы поинтересоваться:

– Бабушка, ты что, заблудилась? Каким ветром тебя сюда занесло?

Девушка даже не удивилась! Лично у меня, когда мама читала мне эту сказку, на языке все время вертелся вопрос: а не показалось девушке странным, что нищенка забрела просить милостыню за тридевять земель? И как она только дошла, вся такая ослабевшая от голода! И

почему царевна не спросила дорогу из леса, которую бабушка наверняка знает? Не собиралась же нищенка пообедать и умереть под сосной?

И почему, если бабка такая голодная, она сама не съела яблоко? Голод не тетка, как же, будешь носить яблоко в кармане, когда у тебя в животе урчит! Только глупышка могла принять все за чистую монету и обменять хлеб на смертельный фрукт, да еще и съесть его, вместо того чтобы тут же отдать на токсикологическую экспертизу хотя бы своей собаке! И не считайте меня жестокой, пес-то все равно издох. Царевну оживили, а его нет. Лично я бы на месте королевича поцеловала собаку, которая, ожив, с радостным визгом кинулась бы ему на шею. И это был бы воистину счастливый конец сказки, потому что собака – друг человека, она не способна на предательство, чего не скажешь о жене. Это я себя имею в виду, я ведь собралась сжить Иван Иваныча со свету.

Царевна мне никогда не нравилась. Не мой типаж. Лично я считаю, что надо быть поумнее и прежде чем что-то сделать, как следует подумать.

Вот и Анжела такая же овца. Когда я за ней следила, мне даже не пришлось нанимать частного детектива. Потому что эта овца ничего не заметила. Она вообще ничего не замечает. Ее мозги находятся в области гениталий. Она умеет исключительно трахаться, вот Иван Иваныч и подумал, что у них с мулаткой непременно будут дети. А они, видимо, все такие, эти мулатки. Темпераментные. Так вот секс занимает все мысли Анжелы, больше ее ничто не интересует. Даже к тряпкам она относится как-то вяло. Без энтузиазма. Я ни разу не видела, чтобы во время шопинга у нее горели глаза. Она вообще какая-то странная, такое ощущение, что не от мира сего. Ей не мешало бы провериться у психиатра, вдруг там тоже что-то серьезное? Умеренная степень дебильности или синдром Дауна в скрытой форме.

Но я знаю, что Иван Иваныч ходит по Анжеле с ума. Вот странность: у него болело сердце, а всерьез пострадали мозги. Он просто помешался на своей мулатке. Я решила, что за неделю легко доведу его до второго инфаркта, после чего стану богатой вдовой. Другого выхода у меня просто нет.

Как только Иван Иваныч встретил Анжелу, мы с ним разъехались. Анжела перебралась к нему в элитный коттеджный поселок на Новой Риге, а меня сослали в Москву. И то Иван Иваныч сказал, что квартира в центре слишком для меня хороша. После официального развода я, мол, перееду в однушку на окраине, куда-нибудь в Бирюлево или в Новые Черемушки, с чем я категорически не согласна. Я ведь прожила с ним почти четверть века, следовательно, имею право не только на московскую квартиру, но и на половину всего имущества. Вы только подумайте! Меня, Зинаиду Андреевну Цареву, – в Новые Черемушки! Да сама мысль об этом оскорбительна!

Из-за моего упрямства бракоразводный процесс застопорился. Мне постоянно угрожают нанятые Иваном Иванычем адвокаты, и я вынуждена принять меры. Как только Анжелу похитят, на мобильный телефон пока еще моего мужа пойдут угрожающие звонки. Иван Иваныча будут пугать до смерти. Потом он получит отрубленный палец Анжелы.

Разумеется, я не собиралась ее калечить. В конце концов, при чем тут она? С ума сошел он. Ладно, четверть века назад он женился на девице, которая была на четверть века моложе его. Но теперь-то он решил оформить отношения с женщиной, которая его моложе ровно на сорок пять лет! Это ли не безумие?

Самым трудным в моем плане мне представлялось достать отрубленный палец мулатки. Даже в московском морге трудно отыскать тело девушки с кожей цвета кофе с молоком. Да еще и бесхозное. Я лично готова раскрасить ее ногти так, как это делала маникюрша Анжелы. И каждый день рубить по пальцу.

У меня, как вы уже поняли, крепкие нервы. Из еды я больше всего люблю сырое мясо, бифштекс по-татарски и карпаччо. Когда кухарка лепит котлеты, я отвлекаю ее внимание и похищаю с полкило фарша, который с наслаждением потом поедаю у себя в комнате, заперев

дверь на ключ. Я обожаю томатный сок, потому что он цвета крови, а из спиртных напитков пью исключительно красное вино. А еще у меня фотоаллергия, на солнце моя нежная кожа покрывается водянистыми волдырями, которые, если я немедленно не уйду в тень, лопаются, и все тело начинает мучительно чесаться. Есть подозрение, что я – латентный вампир. Человечиной не питаюсь, но лишь потому, что обстоятельства так складываются. Еды мне до сих пор хватало. Той еды, какую я люблю. В детстве я спокойно смотрела, как по двору бегают курица с отрубленной головой. Когда при мне дедушка резал кроликов, я не падала в обморок, хотя и особого удовольствия не испытывала. Так что добыть бы мне отрубленную руку мулатки, а дальше уж я справлюсь.

Вот это-то и представлялось мне самым сложным, об этом я все время и думала. Но если задача максимально усложняется с одной стороны, значит, она максимально упрощается с другой. Если Иван Иванович увидит отрубленный палец Анжелы, он подумает о том же, о чем и я. Достать мертвую мулатку практически невозможно, значит, это палец Анжелы и никого другого.

Сама Анжела меня волновала мало, настолько я озаботилась трупом абстрактной мулатки. Я собиралась отпустить девчонку, как только стану вдовой, дав своей «жертве» много денег. Иван Ивановича Анжела все равно не любит, просто не хочет с ним спорить. Раз он собрался жениться – пусть женится. Хорошенько ее узнав, я убедилась, что ей удобнее взять деньги у меня за то, чтобы недельку-другую посидеть взаперти, чем рожать Иван Ивановичу наследника. Она вообще не желает никого рожать, а хочет только трахаться. Я могла бы с ней договориться, но уж больно она тупая. К тому же боится Иван Ивановича. Его все боятся, кроме меня. А я спокойно смотрю, как по двору бегают курица с отрубленной головой, так что мне Иван Иванович, да будь он трижды Председатель Троекратного Совета Директоров? Ха!

Его смерть в яйце, а яйцо это в Анжеле. Вернее, яйцеклетка, которую он собрался оплодотворить. Узнав, что любимая лишилась пальца, Иван Иванович придет в ужас, который смертельной иглой вопьется в его и без того больное сердце. Нужно только легонько нажать. Если сразу не получится, послать ему еще один палец, а то и два. Я уверена, что до пятого дело не дойдет. Максимум на четвертом я получу все, что хочу. Мой Кощей отнюдь не бессмертен.

Как вы сами понимаете, не царское это дело – организовывать похищения. И здесь мне тоже помог Пушкин. Кого она там кликнула, эта царица? Чернавку? Или сенную девушку. Прислугу. У меня такая тоже есть. Ее зовут Анисья, родом она из Сибири. Анисья предана мне до гроба, потому что я – ее кумир.

У Анисьи редкой красоты и тембра голос. Я имею в виду вокал. Она поет, как Шаляпин. Без преувеличения, потому что поет Анисья басом. Еще она удивительным образом умеет подражать голосам артистов. Особенно мужским. Из-за этого Анисья решила, что ей место на сцене, и приехала в Москву поступать в театральное училище. Проблема в том, что Анисья удивительно некрасива. Она очень толстая, у нее мясистые щеки, огромный нос и сальные волосы, жидкими прядями висящие вдоль этих мясистых щек. А еще угри. И никакой вокал ей не поможет. Приемная комиссия даже не стала ее слушать в первый год.

Но Анисья упрямая. Вот что значит сибирский характер! Во второй раз ей все же удалось выступить. В третий – произвести на комиссию впечатление. В четвертый она дошла до последнего тура, но там все же срезалась, и на пятый раз все повторилось. В театральное училище поступает много блатных, и конкурс там всегда огромный. Анисье с ее внешностью невероятно трудно пробиться. Была бы она хотя бы худенькая. Клоунессы всегда востребованы. Но кому нужна безобразная толстая клоунесса с угрями? Похудеть Анисья не может, у нее нарушен обмен веществ. Отсюда и угри. Косметолог, к которому она обратилась по моей рекомендации, сказала, что проблема ее не снаружи, а внутри. Да хоть жидким золотом обмажешься – толку не будет. И нужно пройти серьезное обследование, сдать кучу анализов, на что у Анисьи нет ни времени, ни денег.

– Если бы я была такая, как вы, Зинаида Андреевна, я бы уже стала кинозвездой, – говорит мне она. – Какая же вы красавица!

Несмотря на то что я такая красавица, мысль стать кинозвездой ни разу не приходила мне в голову. Поскольку муж богат, среди моих знакомых есть парочка киноактеров и даже киноактрис. Пообщавшись с ними, я поняла, что это очень зависимые люди. Они все глубоко несчастны, особенно в те дни, когда молчит их телефон. А когда он звонит не переставая, они с ужасом думают о том, что после светлой полосы начнется черная, и если сейчас телефон не замолкает, то потом он замолчит навеки. Поэтому они хватаются за любую работу, даже самую неблагоприятную. А после жалуются на жизнь и без конца оправдываются, что, мол, плохого кино не бывает, а есть непонятливые зрители. Артисты – издерганные, насквозь больные люди, крайне чувствительные к критике. Мне их искренне жаль, и я такой быть не хочу.

Анисье я искренне советую стать поваром, она замечательно готовит. Но она каждый год упорно поступает в театральное училище. В этом году в предпоследний раз, потому что скоро ей исполнится двадцать пять. Кажется, на дневное туда только до двадцати пяти лет можно поступать.

Поскольку я к Анисье очень добра, в ее преданности я не сомневаюсь. Когда муж сослал меня в Москву, я нарочно оставила Анисью на Новой Риге шпионить за Анжелой. Что она исправно и делает. Но теперь ей предстоит задачка посложнее.

Выслушав мой план, Анисья сказала:

– А что? Очень даже!

Ее отношения с моим мужем никакие. Он ее просто не замечает, как не замечает прислугу в принципе. Пусть даже она поет, как Шаляпин, и пишет картины, как Левитан. Это ее проблемы. Пусть поет, пока моет пол, лишь бы пол был чистым. Поэтому Иван Иванович Анисье не жалко. К тому же я обещала ей много денег и протекцию при поступлении в театральное училище. Ведь это ей предстоит звонить моему мужу и пугать его до смерти. У нее яркий драматический талант, я уверена, что она справится.

– Твоя задача вывести ее за ворота, – сказала я Анисье. – И передать с рук на руки похитителям.

– Как же я ее уговорю? – заволновалась Анисья.

– О господи! Скажи, что на лужайке сразу за двухметровым забором выросли белые грибы! И что на Рублевке последний писк моды варить из них суп! Только собирать их обязательно надо своими руками, в этом-то и фишка. И на Новой Риге Анжела сразу станет законодательницей мод, надо только поскорее собрать эти самые грибы, пока другие ее не опередили. Тебе только надо сказать: «Ах, какие миленькие грибочки, и все, как один, – белые!» Она такая тупая, что поверит.

– Да, это так, – вздохнула Анисья. – Анжела Зафировна умом не блещет.

– Что?! Какая она тебе Зафировна?!

– Это Иван Иванович велел ее так называть. По имени-отчеству. Уважительно чтоб.

– Ах вот до чего дошло! Надо срочно от него избавляться, а то он и свою собаку велит звать по имени-отчеству. Кстати, это моя собака, но он так испугался, что я оставлю ей наследство, что запрещает нам видеться, сволочь! Но ничего, я ему это припомню! Кстати, ты не знаешь, кто приходил к нему в палату под видом Смерти?

– Не поняла? – испуганно заморгала Анисья.

– Я не верю в то, что у него была всего лишь галлюцинация. У меня есть враг, и враг этот очень даже неглуп. Кто бы это мог быть? Смерть, часом, была не мулатка?

– У Анжелы З... г-м-м... на такое фантазии не хватит.

– Так-то оно так, – я тяжело вздохнула. – Но у нее ведь есть родственники.

– Они с Иван Ивановичем познакомились уже после того, как он выписался из больницы. Вы ж знаете.

– Ладно, разберемся. Ты мне лучше скажи, кто бы мог ее похитить и держать неделю взаперти?

– Есть такие люди, – коротко вздохнула Анисья. – Коля и Толя.

– Ты с ума сошла!..

«Богатыри»

Это была моя первая реакция, и, как потом оказалось, совершенно правильная. Мне следовало отказаться от моего плана сразу, как только Анисья вымолвила заветное: «Коля-и-Толя». Но я думала только об отрубленной руке абстрактной мулатки, причем уже мертвой. Это-то меня и отвлекло. «Коля-и-Толя» стали началом моего конца.

Краткое пояснение. Коля и Толя – местные жители. Назвать их, согласно «Сказке о мертвой царевне», богатырями у меня просто язык не повернется. Они не богатыри – они пигмеи. Гномы, причем в самом плохом смысле этого слова, у них крохотный гномий мозг, куда помещается лишь одна мысль: о выпивке. Или «где-добыть-спиртное». Знак вопроса уже не помещается, поэтому фраза звучит утвердительно. «Где-добыть-спиртное, где-добыть-спиртное...» И так до бесконечности, словно заезженная пластинка, ни о чем другом они думать не могут. Словарный запас у них еще меньше, чем у Анжелы, любой разговор они начинают с фразы:

– Э... Выпить есть?

Ею же и заканчивают.

Причем водка для них деликатес, они с трудом добывают денег даже на табуретовку. Отраву, которую они покупают у бабки Маши, можно добыть разве что из древесных опилок, ничто съедобное так не выглядит и уж тем более не пахнет. Табуретовка и есть. Анисья как-то приносила мне, показывала:

– Зинаида Андреевна, можно этим протирать лампы в вашем солярии? Говорят, что самогон не хуже спирта. А у меня он как раз закончился. И дешево.

Я понюхала и чуть в обморок не упала. И категорически запретила Анисье ходить к бабке Маше за самогоном. Пусть берет у нее настойки из трав, маринованные опята, березовые веники и т. д. Но только не эту отраву.

Откуда взялись Коля-и-Толя? Там, где сейчас красуются особняки элиты, раньше были подмосковные деревни. Деревня всегда первична, из таких вот деревень и вырастают города, нынешние мегаполисы, а жить за МКАДом вошло в моду, когда Москва превратилась в клоаку. Когда там стало нечем дышать и не протолкнуться от людей и машин. Тогда-то элита Москвы и стала наступать на деревню, выгрызая у местных жителей лучшие куски земли. В качестве компенсации им предложили работу. Так же, как и по всей стране, в каждом отдельно взятом подмосковном поселке с громким названием соседствуют роскошь и нищета, кипят вселенские страсти, люди разных сословий раздраемы ненавистью друг к другу, хотя внешне все выглядит пристойно. Местных все оттесняют и оттесняют, но они цепляются за каждый клочок земли и иной раз не хотят продавать свои сотки за баснословные деньги просто из упрямства.

Новая Рига еще не так освоена, как пресловутая Рублевка. Земли здесь много, пока хватает всем. На Коли-и-Толину халупу никто покамест не позарился, да и, боюсь, что купить ее нельзя. Никаких документов на дом и на землю у братьев нет. Их избушка стоит почти в самом лесу, там столько комаров, сколько у человека нет крови. Просто Коля-и-Толя к их укусам нечувствительны, да и комары не очень уважают табуретовку, которая течет в жилах братьев. Кроме них, в этом месте вряд ли кто выживет, если только спилить деревья и всерьез заняться выкорчевкой пней, но кому охота с этим возиться, когда вокруг пустые поля? Сейчас осень, поэтому за Анжелу я спокойна. Ее даже комары не покусают.

Коля и Толя никогда нигде не работали, они перебиваются халтурой. В приличные дома их на порог не пускают, доверяют разве что вырыть сточную канаву или выгребную яму, чтобы проложить канализацию для прислуги. Причем я уверена, что родились братья нормальными, у них по две руки, по две ноги и, как ни странно, две головы, по одной на каждого. Почему они спились вместо того, чтобы стать достойными людьми? А почему люди вообще спиваются? От скуки. Из-за слабоволия. Вследствие лени.

Я сразу усомнилась: справятся ли братья с таким сложным заданием?

– Справятся, – заверила меня Анисья.

– А они ничего *такого* с ней не сделают? Спяну-то?

– Изнасилуют, что ли? – хмыкнула она. – Да они не могут.

– А ты что, проверяла?

– Слухи ходят.

Прислуга, как известно, любит посплетничать. То, что Анисья дружит с местными, неудивительно. Ведь большинство из тех, кто работает в нашем элитном поселке садовниками, уборщиками, сторожами, помощниками поваров, – деревенские жители. Анисья и сама из деревни, только из сибирской.

– Ты недооцениваешь Анжелу, – вздохнула я.

– Это вы о ней слишком хорошо думаете, Зинаида Андреевна, – хмыкнула Анисья.

Я живо представила себе сцену соблазнения Анжелой Коли-и-Толи.

– Э-э-э... скучно.

– М-м-м? Да-а-а...

– И че делать?

– Э-э-э... О-о-о...

– Тупишь!

– Э-э-э... м-м-м...

– Да-а-а... Глянь сюда! На мне лифчика нет!

– Э-э-э... Выпивать будешь?..

Я вздохнула:

– Пожалуй, ей ничего не грозит. Анисья, ты вот что. Я дам тебе денег, купи братьям новый телевизор. Большой. Плазму. Я хочу, чтобы Анжела была счастлива.

– Добрая вы, Зинаида Андреевна, – вздохнула Анисья.

– Я?! Добрая?! – Я чуть не расхохоталась. – Ты ошибаешься. Я злая. Очень злая.

– Добрые люди потому и кричат, чтобы их поменьше использовали. И ругаются потому же. Когда они добрые, да еще и хозяева, у них другого выхода нет.

– Откуда ты знаешь?

– Я же прислуга, – усмехнулась Анисья. – Вот Иван Иванович. Он ох какой злой! Хотя слова плохого никогда не скажет. И всегда на «вы». Но злее человека, чем он, я в жизни не встречала. – Она аж передернулась.

– Ты его боишься, что ли?

– Его все боятся.

– Он же маленький и плешивый. Что он может тебе сделать?

– Он может! – Анисья поежилась. – Он как посмотрит – ажник в дрожь бросает! Словно ледяной воды за ворот вылили. «Будьте любезны, протрите здесь!» Вот кто злой!

– А я, бывает, ору: «Поворачивайся, корова!»

– Да уж лучше так, – улыбнулась Анисья. – Вы же это не со зла. Все в доме загрузили, когда вы уехали. «Ну, – говорят, – теперь конец нам. Иван Иванович нас заест».

– А что Анжела? Разве она за вас не заступается?

– Да когда ж? Она у нас такая занятая, – скривилась Анисья. – А потом, ей ведь все по фигу.

– Где ты нахваталась этих жаргонизмов? – невольно поморщилась я.

– Как где? У нее! Она, похоже, только два слова и знает: «по фигу» и «прикольно». А еще ест, как слон какой-нибудь. Мы все гадаем: она ж тощая! И куда в нее столько влезает? Замучились уже готовить! А сколько она икры лопает?! На меня даже в магазине косо смотрят! И это у нас, на Новой Риге! В двадцати километрах от Москвы! Да здесь одни олигархи живут! И те столько икры не жрут! Чтоб ей подавиться!

– Что же вы не уволились?

– А куда идти? Иван Иванович хоть издевается, но платит. Штрафами только замучил.

Анисья горестно вздохнула. Я тут же ее утешила: как только дело выгорит, у нее не будет необходимости работать прислугой. Я щедро оплачу ее услуги. Ну и братьев, разумеется, тоже. Куда деваться?

Поскольку Иван Иванович затеял бракоразводный процесс, время меня поджимало. Меня атаковали адвокаты, которые нагло и бесцеремонно лезли в мою жизнь, шпионили за мной, строили козни, и я вынуждена была согласиться на Колю-и-Толю. Я забыла, что они еще ни разу не сделали ничего от начала и до конца так, как им велела. Они напоминают мне персонажей из другой сказки: «Двое из ларца». Помните, есть такой мультфильм? Называется «Вовка в Тридевятом царстве». О мальчике, который страстно любил халяву. И вот ему достался сундук, а в нем – близнецы, которые должны были исполнять любое желание своего хозяина. По его приказу два дебильного вида мужика месили дрова и рубили тесто, усиленно делая вид, что не понимают, чего именно от них хотят. Или и в самом деле не догоняли. Вот что-то похожее делают Коля-и-Толя. Весь наш коттеджный поселок помнит подвиги братьев. Потому что такое забыть невозможно.

Канаву, которую они копают, непременно упирается в канализационную трубу, в итоге весь двор в дерьме. Сухое дерево, которое братья валят, падает на забор, причем именно в том месте, где стоит соседский сортир. Это уже стало источником анекдотов в нашем поселке. Все они – про гуано. Его Коля-и-Толя умудряются извлекать из всего. Даже оттуда, где, казалось бы, его нет и быть не может в принципе. Когда они по просьбе нашего садовника заказали машину щебенки, которую должны были разгрузить в метре от забора, им привезли... Правильно! Это самое. Проснулись мы в то утро от упоительного аромата свежего навоза. Слежавшийся он не так воняет, но ради Коли-и-Толи расчистили коровник, его они и разгрузили прямо под окнами спальни Иван Ивановича.

Когда Иван Иванович впервые повысил голос и заорал:

– Что это такое?!

Знаете, что они ему ответили?

– Это к деньгам.

Он их чуть не убил. Потому что если дерьмо и в самом деле к деньгам, Коля-и-Толя давно уже стали бы долларовыми миллионерами.

И вот этим людям я доверила похищение Анжелы! Совсем с ума сошла!

Пришлось с ними встретиться. Я с трудом держалась, но куда деваться?

– Справитесь?

– А то!

– Чтобы пальцем ее не тронули, поняли?

– Еще бы!

Братья стояли передо мной навтыжку и тупо улыбались. Они были трезвые, во-первых, потому что раннее утро, а во-вторых, потому что у них еще не было денег. От них разило перегаром, и я старалась не дышать глубоко и не морщиться. Мне требовалось, чтобы они сделали свою работу. А для этого пришлось проявить максимум терпения. Раньше у меня был целый штат прислуги, куча денег и масса вариантов, чтобы решать свои проблемы. А теперь только Анисья и существенное ограничение во времени и пространстве, а также в средствах. Мои счета заблокировал Иван Иванович, пока я не стану сговорчивей, мне теперь самой приходилось ездить за продуктами и даже, страшно сказать, самой мыть посуду! И позволить себе професионалов в области похищения людей я не могла. Не по карману. Переговоры с братьями мне тоже пришлось вести самой. Я понадеялась, что, получив деньги, они войдут в глубокий запой и ничего из того, что случилось, не вспомнят. И не вспомнят долго. Возможно даже, никогда.

Потому что алкоголики пьют, пока у них не кончатся деньги, а я собираюсь заплатить братьям так много, чтобы доза приобретенного ими на эти средства алкоголя оказалась смертельной.

У братьев, кстати, очень интересные лица. Их можно было бы назвать красивыми, если бы не выражение беспросветной тупости и не черная щетина, похожая на наждачную бумагу, которая облепила их щеки и подбородки. Если бы не это, право слово, можно было ими залюбоваться! Правильные черты лица, большие карие глаза, длинные ресницы, ровные дуги бровей. Да и рост у братьев хороший, плечи широкие, животов нет, ведь Коля-и-Толя никогда не едят досыта. У них были бы красивые дети. И вот на тебе! Алкаши!

– Вы точно справитесь? – с сомнением спросила я.

– Рады! Стараться! Зинаида! Андреевна!

Я засомневалась. Это же двое из ларца!

– Я прослежу, – шепнула мне на ухо Анисья.

Выдав братьям небольшой аванс, я отпустила их с миром, то есть с войной, ведь они должны были пойти в поход на Анжелу, и стала давать подробные инструкции своей сенной девушке:

– Проследи, чтобы у Анжелы была еда. А то эти двое из ларца все деньги пропьют, а холодильник так и останется пустым. Она ведь ест, как слон, ты сама сказала, и, чтоб ей провалиться, не полнеет!

– Видать, конституция такая, – с завистью сказала Анисья. – Вот почему так? Одним все, а другим ничего!

– Не переживай, мы восстановим справедливость. Анжела свое получит.

– Хорошо бы. А то она мне страсть как надоела. Кровать в крошках, постельное белье каждый день приходится менять, потому что оно с обеда кофеем залито. Прямо свинья, а не человек!

– Надо дождаться удобного момента. Как только узнаешь, что муж уезжает на ночь...

– Все поняла, – заверила меня Анисья. – А уж из дома я ее как-нибудь выманю.

Я вздохнула:

– Что касается денег...

– Рассчитаемся, Зинаида Андреевна, не волнуйтесь. Вы ведь меня от себя не прогоните?

– Не прогоню, – заверила я. – Ты очень много для меня делаешь, и я это ценю.

На сем мы и расстались.

Итак, машина была запущена, оставалось только дождаться удобного момента. Я даже представить себе не могла, что совсем скоро моя жизнь превратится в кошмар! А как хорошо все начиналось!

Поистине, браки заключаются на небесах, а расторгаются в аду!

Весть царевну в глушь лесную!

Удобный момент наступил, не прошло и недели. Я еще спала, когда раздался телефонный звонок. Но увидев на дисплее, что звонит Анисья, я поспешно схватила айфон. По пустякам она меня тревожить не станет, прекрасно зная мой распорядок дня. Я ведь сова, ложусь глубоко за полночь, а встаю не раньше полудня.

– Что? – крикнула я в эфир.

– Только что Иван Иванович вызвал меня к себе, – взволнованно сказала Анисья. – Сказал, что уезжает с ночевкой к своему партнеру по бизнесу на какие-то там важные переговоры.

– С каких пор он перед тобой стал отчитываться? – подозрительно спросила я.

– Да он не отчитывался. Просто сказал: еду на переговоры, дома ночевать не буду. Останешься при Анжеле Зафировне и сделаешь все, что она прикажет. Исполнишь любой ее каприз, а иначе при малейшей ее жалобе вылетишь отсюда как пробка. «Вы все поняли или мне оставить вам указания в письменном виде?» – передразнила она.

Я невольно вздрогнула, настолько ее голос был похож на голос моего Иван Ивановича, даже интонация, с которой он говорит с прислугой. Ледяное презрение и брезгливость.

– А потом меня вызвала Анжела За... в общем *она*. Велела к вечеру отпустить всю прислугу. Часам к семи.

– Странно...

– Она иногда так делает. Видать, шампанским решила накачаться, пока спонсора дома нет. Отманикюрится, начешется, намассажирется и прилипнет с бутылкой к ящику. Меня уже за черной икрой послали в маркет. Ну что? Удобный момент или еще подождем?

– Ждать нельзя, – решительно сказала я. – Тем более она будет пьяная. Так ее легче будет уговорить выйти за шлагбаум. А что братья?

– Я потому и звоню с утра, – деловито сказала Анисья. – Надо их перехватить по дороге к бабке Маше. Запускаем процесс, Зинаида Андреевна? Паша дежурит, – таинственным голосом добавила она.

Паша – ее поклонник. Можно даже сказать, жених. Он тоже родом из Сибири и больше всего на свете уважает сибирские пельмени. А Анисья, как я уже говорила, знатная кулинарка. Иногда она балует Пашу пельмешками. Да что там! Пельменищами! Каждый – размером с кулак! И таких пельменищ Паша запросто может выкушать кастрюльку. Причем не раз проверено: пока он их ест, ничего не видит и не слышит. Так ему вкусно, еще и Анисья развлекает в это время пением:

– А вот, Пашка, слышь? Кобзон! «Слышишь, время гудит – БАМ!..»

– Да ну тебя, я чуть не подавился! Давай что-нибудь современное!

– «А впереди еще три дня и три ночи. И шашлычок под коньячок вкусно очень...»

Анисья прекрасно знает, как ему угодить. На этом «шашлычок под коньячок» Паша отрубается напрочь. Мыслями он уносится в далекий теплый город Сочи, к женщине в неважно каком платье, лишь бы под коньячок. Можно колонну груженых самосвалов мимо его будки прогнать, он ничего не услышит и не заметит, хоть полпоселка вывези! Проверено. Как только я узнала, что Иван Иванович уезжает во время Пашиного дежурства, сразу поняла: звезды сошлись.

– Действуй, – коротко сказала я Анисье. – И каждый час обо всем мне докладывай. С того момента, как выведешь Анжелу за ворота. Говори коротко, по сути. И звони с того телефона, что я тебе дала, помнишь?

Когда умерла бабушка, у меня на руках остался ее паспорт. Потому что она умерла в психиатрической больнице. Вы не подумайте ничего плохого, просто старушке было девяносто два года и она вследствие долгой и трудной жизни впала в глубокий маразм. Так и норвила

поджечь квартиру и выбить соседям стекла. А еще без конца звонила в милицию и признавалась в промышленном шпионаже в пользу Америки через телевизор на кухне. Пришлось позаботиться о старушке соответствующим образом. Когда она умерла, ей даже не делали вскрытие, и так все было понятно: американцы убрали резидента.

Мне не выдали на руки справку о смерти, зато не забрали ее паспорт. На него-то Анисья по моей просьбе и зарегистрировала симку. Тот факт, что столетней бабке понадобился вдруг мобильник, никого из менеджеров Связного не удивил. Они даже не обратили внимания на дату рождения. По-моему, их не волнует ничего, кроме процентов с продаж. А там хоть марсиане.

Таким образом, канал связи мы наладили, если что, я скажу: бабушкин паспорт, как и положено по закону, у меня забрали после ее смерти, концов-то теперь все равно не найдешь. А то, что у нас по мобильникам покойники звонят, удивлять никого не должно после того, как все они дружно голосуют за действующего президента минимум в течение трех лет после того, как их снесли на кладбище. Покойники у нас, между прочим, самый ответственный электорат. Сначала с этим разберитесь. И докажите, что избирателям не нужны мобильники.

Если бы я ездила на метро, то поняла бы, что все гораздо проще. Я имею в виду связь. Можно купить симку, вообще не имея паспорта. Я так и поступила, когда моя жизнь изменилась настолько...

Но обо всем по порядку.

Как только я дала отбой, начались душевные терзания. Не то что мне стало жалко Анжелу. Она ведь не оставила мне выбора. И ничего плохого с ней не случится, ну, не станет у нее Иван Ивановича, появится Сан Саныч. Она еще долго останется молодой и красивой, а мулаткой вообще навсегда. Богатых русских так и тянет на экзотику. Я просто боялась, не наломают ли братья дров? Мучительно думала: ну и где здесь дерьмо? Всплывет ведь, как пить дать! Раз тут замешаны Коля-и-Толя. Поэтому мне и было не по себе. Хотелось, чтобы все закончилось побыстрее и с минимальными для меня потерями.

Я уже поняла, что выхода у меня нет: либо я доведу Иван Ивановича до второго инфаркта, либо сяду в тюрьму. Это была игра ва-банк: либо пан, либо пропал. И так пропал, что обратного пути не будет, останется только умереть самой. Но если я вдруг одержу победу (а я все для этого сделаю), то все мигом забудут об Иван Ивановиче, нынешние его друзья вновь станут моими, и все они кинутся мне помогать. А среди них есть очень влиятельные люди. Анжела же не способна развить бурную деятельность, чтобы за себя отомстить. Все, что ей нужно, – телевизор, диван и столик перед ним, на котором стоит ноут, бутылка шампанского и вазочка с икрой. Это и есть ее счастье, большего она не хочет. И уж тем более не хочет никаких детей. С Анжелой я договорюсь.

К тому же в статье Уголовного кодекса, касающейся похищения людей, есть замечательные слова: «Лицо, добровольно освободившее похищенного, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Мне надо будет только доказать, что никакого злого умысла в отношении Иван Ивановича у меня не было, а его смерть – чистая случайность. Но на этот случай есть деньги и отличные адвокаты, которых можно на них купить. Ну и влиятельные друзья.

«У тебя все получится, у тебя все получится», – повторяла я как заклинание, чтобы успокоить нервы.

Было раннее утро, и мучиться мне придется до вечера. Часов до семи, когда вся прислуга будет отпущена и Анжела останется один на один с Анисьей. Да еще с час надо ждать, пока смуглая пассия моего «обожяемого» супруга накачается элитным шампанским.

День тянулся медленно. Меня так и подмывало позвонить Анисье и спросить:

– Ну что?

Но я мужественно терпела. В семь мне никто не позвонил. Я ходила из угла в угол до половины восьмого. Звонок так и не раздался. В восемь я начала волноваться. Теперь каждая минута казалась вечностью. Неужели все провалилось? Коля-и-Толя сдали меня полиции? Смешно, но всякое бывает. Или Анжела что-то почувствовала и не пошла с Анисьей за ворота. А к нам в усадьбу Колю-и-Толю вечером не пустят без соответствующего приказа Иван Иваныча. Понятно, что он такого распоряжения не отдавал, напротив, после того случая с навозом вместо щебенки приказал и близко братьев к воротам не подпускать.

Время ползло. Десять минут девятого, пятнадцать... Теперь каждая минута была как год. Я чувствовала, что старею прямо на глазах. Чтобы успокоиться, я стала думать о хорошем. О том, как заживу на деньги Иван Иваныча, но уже без самого Иван Иваныча. Игра стоит свеч. Первым делом я поеду в круиз на красивом океанском лайнере. Затеряюсь в бескрайних бирюзовых водах, где буду пить шампанское, загорать на отдельной палубе для випов и строить глазки загорелым мачо. Может быть, решусь закрутить роман.

Сексопатолог, у которого я консультировалась, сказал мне, что я по природе своей фригидна, не пора ли проверить это на практике? Вот уже четверть века я живу со стариком, который с самого начала относился ко мне как к своей визитной карточке. Предъявлял меня, когда требовалось произвести впечатление. А стариком Иван Иваныч был всегда, если не физически, то морально. Его душа состарилась еще до моего рождения, потому что уже тогда он начал сколачивать свое состояние. Деньги убивают чувства. Каждый заработанный миллион долларов прибавляет столько же лет. Этих глубоких стариков олигархов давно уже ничто не волнует и не интересует. Кроме, пожалуй, эликсира бессмертия. Они регулярно обследуются и бегают к врачам на каждый чих, знаю это по своему мужу, который мне до смерти надоел. К тому же он меня предал, и я имею полное право ему отомстить.

Мне нужен молодой и сильный мужчина, может, это вернет мне молодость?

Мои размышления прервал телефонный звонок. Я жадно схватила айфон. Анисья! Наконец-то! Сердце мое билось, как никогда в жизни. Получилось или не получилось?

– Все в порядке, – сдавленно сказала она. – Ее увезли.

– Куда? Ах да... Ее телефон братьям отдала?

– Да. Все как договаривались.

Она, похоже, нервничала. Я тоже начала переживать:

– Эй, все в порядке?

– Да, можете не сомневаться, Зинаида Андреевна. Анжела там, где ей положено быть.

– Как тебе удалось выманить ее из дома?

– Сказала, что приехал брат.

Родственники Анжелы все время кланчат у Иван Иваныча деньги, и он запретил их впускать. На въезде в поселок стоит охрана, которой даны соответствующие распоряжения. Вся Анжелина родня в черном списке (уж простите за каламбур), а мулатка очень привязана к своей семье. Поэтому тайком бежит за ворота, когда приезжает отец, брат или сестра. Особенно она привязана к младшему брату Эрику, тому, что от второй папиной жены. Это смазливый парнишка, вертлявый и бойкий, и на Новую Ригу он приезжает не случайно. Наверняка просил сестру свести его с незамужней бизнесвумен или с соломенной вдовой, у которой полно денег и свободного времени, и она не прочь поразвлечься с симпатичным темнокожим юношей. Эрик и мне строил глазки, но я его мигом отшила. Слишком уж он напоминает мне Анжелу. А она отняла у меня все самое дорогое: любимую спальню в багровых тонах, безлимитную кредитку и мою обожаемую собаку.

– Как только она узнала, что приехал Эрик, – тут же метнулась к выходу, Зинаида Андреевна.

Ай да Анисья! Умно!

– А что ты скажешь Иван Ивановичу, когда он хватится Анжелы? – на всякий случай проверила я.

– Что уснула и не слышала, как она ушла из дома. Ах да! Слышала, как звонил ее мобильный!

Это мы с Анисьей обговорили. Мулатке якобы был звонок, после которого она выскочила из дома и больше не вернулась. Проверить это невозможно, поскольку телефон похитили вместе с ней. Таким образом, первая и, как мне тогда казалось, основная часть плана была реализована.

– Все, отдыхай, – велела я Анисье. – Завтра начнем играть спектакль. Твой выход – первый. Так что учи текст. Всю ночь учи. Поняла?

– Да все я поняла. Не бойтесь, не подведу.

И мы одновременно дали отбой. Уф! Надо перевести дух.

...Уснуть мне в ту ночь так и не удалось. Я все пыталась просчитать реакцию Иван Иваныча. А вдруг он сразу побежит в полицию? Или поднимет на уши собственную службу безопасности, где есть настоящие профессионалы? Надо его хорошенько запугать, чтобы и мысли об этом не допускал.

Увы! Главная часть моего плана так и оставалась нереализованной! Я имею в виду отрубленную руку мулатки. В первых двух моргах, куда я наведася на этой неделе, меня сразу хотели определить в психушку. У патологоанатомов совершенно отсутствует чувство юмора. И только в третьем морге мне попался более или менее адекватный товарищ. Он был мужского пола, уже в одном этом мне сильно повезло.

– У меня к вам не совсем обычная просьба, – я принялась строить ему глазки, понадеявшись на скудное освещение. Мои морщины в этом мрачном подземелье были не так заметны.

– Слушаю вас, – очаровательно улыбнулся он.

– Мой муж – олигарх. Вам известно об их странностях?

– А как же!

– О! Остались еще в стране люди, которые смотрят телевизор!

– Скорее, имеют неограниченный доступ в Инет.

– У вас здесь вай-фай?

– У нас здесь все, – серьезно сказал он. – Полный спектр услуг. Так что у вас за дело? Можете не стесняться.

– Мой муж собирает не совсем обычную коллекцию. У него э-э-э... Кунсткамера.

– Заспиртованные рептилии?

– Он предпочитает человеческие органы.

– Тогда это действительно странно, – с сочувствием произнес патологоанатом. – К психиатру не обращались?

– Во всем остальном муж вполне нормален. Что же касается заспиртованных органов, это напоминает ему о прошлом.

– Он что – бандит?

– А есть в нашей стране многомиллионные состояния иного происхождения?

– То-то и оно, что нет, – патологоанатом тяжело вздохнул. – Ну и какой вы хотите орган?

– У мужа скоро день рождения. И я хотела бы ему сделать настоящий сюрприз.

– Например?

– Мне нужна кисть мулатки.

Его брови поползли вверх.

– Я знаю, что мое желание сопряжено с определенными трудностями, – одарила я его самой ослепительной своей улыбкой. Похоже, сейчас мне опять попытаются вызвать санитаров из психиатрички. Не пора ли уносить ноги? Но он оказался стойким.

– Вы даже не представляете с какими, мадам! У нас э-э-э... не Африка. Бесхозные тела афроамериканцев на дороге не валяются. А у дочки какого-нибудь посла, как вы сами понимаете, безнаказанно руку не оттяпашь.

Я показала ему средний палец. Нет, вы не думайте, это не означало «фак ю!». И он это прекрасно понял. Его взгляд так и впился в платиновое кольцо с каратником.

– Настоящий? – спросил он, жадно разглядывая бриллиант.

– И чистота прекрасная. – Я повернула кольцо так, чтобы бриллиант попал в луч света. И хотя освещение здесь было скудное, каратник есть каратник. Особенно если он такой превосходной чистоты и огранки. Патологоанатом это оценил.

– Да, задачка.

– И еще мне нужно, чтобы вы сохранили это в секрете.

– Само собой, – он кивнул. – Как жаль, что у нас не Африка.

– Но тогда бы и цена была другая.

– А как скоро вам нужна эта рука?

– В течение месяца.

Я тогда еще не знала, что звезды сойдутся всего через неделю.

– Оставьте свой телефон, я вам позвоню.

– Я рада, что нашла в вашем лице понимание.

– А если честно: зачем вам это нужно?

– Ответ на вопрос стоит полкарата. Вы хотите это кольцо или другое, с бриллиантом в два раза меньше?

– Нет, я хочу именно это, – поспешно сказал он. – Да не все ли мне равно, зачем вам кисть мулатки? Я предпочитаю забыть об этом, как только передам вам емкость со спиртом, в которой будет находиться то, что вы заказали.

– Вот и прекрасно! Я буду ждать.

Честно сказать, надежды у меня было мало. Хорошо хоть, санитаров из психбольницы не вызвал. Я надеялась, что нервы у Ивана Ивановича окажутся менее крепкими. Все ж таки не мальчик, и один инфаркт у него уже был. Может, и без отрубленного пальца обойдется?

Мы с Анисьей договорились, что панику она поднимать не будет. Ангела может целый день не вылезать из постели. И никто не смеет ее беспокоить. Пропажу должен обнаружить сам Иван Иванович. Насколько я изучила процесс, похитители выдерживают сутки. А потом начинают звонить и требовать выкуп. У нас была разработана другая схема. Мы ничего не будем требовать. Просто пугать и нагнетать обстановку. Надо как следует его помучить.

Никто не знал, когда именно вернется Иван Иванович. Он никого не ставил в известность, как, где и с кем собирается провести время. Но по моим расчетам, после ночных переговоров в сауне отсыпаться он придет домой. Ведь завтра ему опять на работу.

Утром я встала почти спокойная. Полдела сделано, теперь хочешь не хочешь, надо идти до конца. Я решила не форсировать события. Полдня сидела и ждала. И дождалась. Когда зазвонил телефон, я подумала, что это Анисья с отчетом. И очень удивилась, увидев на дисплее «муж-козел» (козла я дописала после того, как он меня бросил). И вот этот, извиняюсь, козел мне звонит!

Что такое? Неужели он обо всем догадался? Я не сразу ответила на звонок. А когда взяла телефон, не нашла, что сказать. Заговорил он, и, честно признаться, я не сразу узнала его голос. Такой он был убитый.

– Зина...

– Да?

– Зина, мне плохо... Мне *очень* плохо...

– Что случилось?

– Ты... Ближе тебя у меня никого нет... Как оказалось...

– Да что случилось-то?

– Анжела... С ней беда.

– Беда? Какая беда? – Я старалась говорить спокойно.

– Она... Господи, она пропала! – отчаянно выкрикнул он. – Я боюсь, что ее похитили!

– Да кому она нужна?

– Ты не понимаешь... У меня... крупная сделка... намечается...

Неужели это связано со вчерашними переговорами? Вот удача так удача!

– Иван, не надо паниковать раньше времени.

– Если бы им нужны были деньги... Но боюсь, что не деньги.

– Тебе уже звонили?

– В том-то и дело, что нет! Я приехал – а она исчезла! Я весь дом обыскал! Родственникам ее даже звонил! Никто ничего не знает!

– Прислугу допросил?

– Допросил и выгнал к чертовой матери! Хожу из угла в угол, как дурак. Помогите мне.

– Да чем?

– Поговори со мной хотя бы.

– О ком? Об Анжеле?

– Я понимаю, что ты ее ненавидишь. Но она... она беременна!

– Что-о?!

– Анжела ждет ребенка.

– Это она тебе сказала?

– Да.

Ситуация осложняется. Ну ничего. Поскольку они с Иваном Ивановичем пока не расписаны, то и наследник этот незаконный.

– Успокойся. Все будет в порядке.

Господи! Что я такое говорю?! Мне же надо довести его до инфаркта!

– Зина, говори со мной, не молчи.

– Иван, если ты помнишь, мы с тобой разъехались.

Я начала злиться. В первую очередь на себя. Что я творю? Надо быть жестче. Вот уж не ожидала от себя такого сюсютства! Подумаешь, девка беременна!

– Да, я помню, – упавшим голосом сказал муж. – Я был к тебе несправедлив, Зина.

У меня что, слуховые галлюцинации?! Муж раскаивается! Этот человек без совести, без чести говорит, что он был несправедлив к жене, которую бросил без средств к существованию, прожив с ней почти четверть века!

– Я... Зиночка, мне не к кому пойти со своим горем. Не с кем поговорить. Как выяснилось, у меня нет друзей. Только ты. Не гони меня, Зина. Хотя бы выслушай. Поддержи.

Ему и в самом деле плохо. Мой расчет оказался верен.

– Даже не знаю, что тебе сказать, Иван.

– Я знаю, Зина, что жестоко по отношению к тебе говорить о моих чувствах к Анжеле. Но я ее так люблю... Господи! Как же я ее люблю! И ребенок... Мой ребенок. Ты должна меня понять...

– Я пытаюсь.

– Можно я приеду, Зина?

– Зачем? – Я совсем растерялась.

– Посидим, как раньше. Обнимемся и просто посидим. Я не в состоянии ждать этого звонка один. Ты сильная, ты меня сможешь поддержать. И ты всегда знаешь, что надо делать. Я сейчас, как ребенок, совсем беспомощный. Ничего не соображаю. Думаю только о том, что они могут с ней сделать? С ней и с... моим ребенком.

– Да ничего они с ней не сделают! – не выдержала я. – Успокойся.

– Так можно я к тебе приеду?

– Это, вообще-то, твоя квартира. Как ты сказал, моего здесь ничего нет. Я всю жизнь жила за твой счет, только твоей милостью.

– Я так говорил?! – в ужасе воскликнул он. – Господи, я чудовище! Как я мог!

Я его не узнавала! Да Иван Иванович ли это? Вот как его скрутило!

– Хорошо, приезжай, – сказала я как можно холоднее.

– Спасибо! – обрадовался он. – Мы вместе будем ждать звонка! Вместе придумаем, что делать! Спасибо тебе, Зиночка! Лечу!

Итак, он в моих руках. Я даже не ожидала, что муж так дорожит Анжелой. Это была полная и безоговорочная победа. Моя победа. Почему же я чувствую на губах горечь, словно выпила яду? Этот яд разливался по моим жилам, отравляя вкус победы. Неужели Анисья права?! Я добрая и только хочу казаться злой. Мне всего этого не выдержать.

Я, нервничая, стала ходить из угла в угол. «Зинаида, держи себя в руках, – внушала себе я. – Не поддавайся. Как только ты вернешь ему Анжелу, он в один миг станет прежним. Не поддавайся. Надо выжать из ситуации максимум выгоды. Обеспечить свое будущее».

Но нервы мои все равно не успокаивались. Я не выдержала и позвонила Анисье.

– Как там Анжела?

– Не знаю. Но, думаю, с ней все в порядке. А что может случиться?

– Иван Иванович сказал, что она беременна. Так что кормите ее как следует, слышишь?

– Да что вы! Беременна! – фыркнула Анисья.

– Будьте с ней помягче.

– Да куда уж мягче, – проворчала она.

– Правда, что мой муж тебя выгнал?

– С треском прогнал. Взяшей. И денег за месяц не заплатил. Зверь просто, а не человек.

Когда звонить-то? – деловито спросила она.

Я прикинула: часа через два муж будет здесь. Похоже, меня ждет веселая ночь.

– Часа через два можешь начинать спектакль.

– О'кей. Договорились, – сказала она все так же деловито и дала отбой.

Я собралась с духом. Представление начинается. Но хватит ли у меня сил?

Царь с царицею простился

Я посмотрела на часы и засекала время. Анисья может позвонить моему мужу, пока он будет париться в пробке. Я ведь живу в центре, а пробки здесь постоянно. Интересно, Иван Иванович сам сядет за руль или воспользуется услугами личного шофера? Вообще-то, мой муж не привередлив, и водитель возит его лишь на работу и с работы. Но в таком состоянии, в каком Иван Иванович находится сейчас, водить машину для него проблематично.

«Да не все ли мне равно, один он приедет или с водителем? – разозлилась я на себя. – Хоть с целым штатом прислуги! Вопрос, почему ко мне?»

Бывают случаи, когда бывший муж, пережив трагедию, возвращается к первой жене ползком, виляя хвостом. И супруги переживают вторую молодость, после чего воссоединяются навеки. Но все дело в том, что мы с Иван Ивановичем уже не молоды, ему вообще без года семьдесят, и за долгую совместную жизнь я неплохо изучила своего супруга. Хвостиком вилять он не будет никогда. Еще ни разу в жизни муж не попросил у меня прощения, хотя, честно сказать, и не за что.

Отношения у нас всегда были ровные и очень комфортные для обоих: у каждого по спальне. Перед тем как войти в мою, Иван Иванович всегда деликатно стучал в дверь:

– Зина, ты можешь меня принять?

У Чехова есть рассказ «Человек в футляре», его проходят в школе в обязательном порядке. Так вот, это об Иван Ивановиче. Он и есть человек в футляре. С утра застегнут на все пуговицы и предельно собран, деловит. Никогда не поймешь, что у него на уме. Всегда на «вы», взгляд ледяной, а к тонким губам намертво приклеилась змеиная улыбочка. «Будьте любезны, сделайте так, как я сказал».

Спорить с ним бесполезно. Он каждый раз молча выслушивает собеседника, и даже если тот горячится и машет руками, словно ветряная мельница, Иван Иванович эмоций не проявляет. Когда оппонент выпустит пар, мой муж спокойно говорит:

– У вас все? Если да, то можете быть свободны.

Голос у него скрипучий, и впечатление такое, будто открылась дверь, у которой плохо смазаны петли, и по комнате прошелся сквозняк. Это мгновенно остужает даже самые горячие головы. Иван Ивановича не боюсь только я, потому что именно я видела его без футляра. То есть без одежды вообще. Голый он маленький и жалкий. И хотя всегда старается покончить поскорее с супружескими обязанностями, в какой-то момент он настолько беспомощен, что полностью находится в моей власти. Сам он этот момент ненавидит, а иногда мне даже кажется, что и меня ненавидит за то, что вынужден пользоваться моим телом, как вынужден есть, пить, отправлять естественные потребности. Хотя мы давно уже сексом не занимаемся. Он для мужа равноценен тому, что и сходить по нужде, облегчиться. Я всегда думала, что ему секс доставляет только неудобства. И вот вам, пожалуйста! Анжела!

Прошел час. Я начала волноваться. Мне хотелось, чтобы Анисья позвонила Иван Ивановичу при мне. Я хотела контролировать процесс, знать каждое слово, которое она ему скажет, и все, что он ей ответит. Только тогда я смогу добиться своей цели. Проклятые пробки!

Жить в ЦАО всегда будет престижно. Даже несмотря на отравленный выхлопными газами воздух и безумно дорогие магазины. Несмотря на массу проблем, связанных с въездом и выездом отсюда и с парковкой. Всегда найдутся нувориши, которые, разбогатев, кинутся реализовывать мечту своего детства: покупать квартиру в центре Москвы. Поэтому цена на квадратный метр здесь не упадет никогда.

Что касается меня, я ненавижу это место. Метро в двух шагах от дома меня мало интересует, я не помню, когда последний раз туда спускалась. Мне здесь психологически некомфортно, потому что люди вокруг какие-то ненастоящие. Они почему-то считают себя выше

тех, кто живет за пределами Центрального округа, как будто ценность человека для общества определяется местом его жительства. И хотя никто об этом не говорит вслух, все предельно вежливы и вроде бы открыты, здороваются и улыбаются, но звучит и выглядит это фальшиво. Лично моя ценность для общества нулевая, тем не менее я живу здесь и каждый день выслушиваю от консьержки комплименты собственной внешности:

– Прекрасно выглядите, Зинаида Андреевна! Просто розан, а не женщина! Цветете и пахнете!

Грубовато, но что вы хотите от дамы, которая всю жизнь проработала вахтером на заводской проходной? Теперь ее повысили до консьержа в элитном доме, вот она и старается.

Послушать ее, так я выгляжу все прекраснее и прекраснее. Тогда почему же муж меня бросил? Бросил цветущий розан на грешную землю, да еще принялся топтать его ногами!

Муж... Это он купил квартиру в центре, потому что для него очень важны атрибуты, подтверждающие его социальный статус. Я думаю, потому он и не добился высоких постов и не сколотил миллиардное состояние. Он не может возвыситься над вещами, подтверждающими его социальный статус. Он слишком от них зависим. «Я то, что вы видите» – вот девиз моего Иван Иваныча. А чтобы подняться выше, надо говорить: «Я то, чего вы не видите». Самые богатые люди те, о ком меньше всего знают. Вернее, вообще не знают, что они есть на свете.

Мой Иван Иваныч подозрителен во всем и очень озабочен своим имиджем. Пожалуй, Ангела его единственное слабое место, это я угадала. Но угадала ли остальное? На что способен Иван Иваныч ради наследника? Мы ведь с ним никогда не разговаривали о детях: нет их и нет. Я даже думала раньше, что у него нет сердца, что он и в самом деле Кощей Бессмертный. До тех пор, пока с ним не случился инфаркт. Пока он лежал в больнице, в нем появилось что-то человеческое. Но потом муж решил со мной развестись и проявил такую жестокость, что я опять усомнилась: да есть ли у него сердце?

И вот с этим человеком мне предстоит сыграть партию на его состояние, которое он без боя не отдаст. Я уже дала слабинку и начала проигрывать. Я пожалела беременную Анжелу. А может, он догадался, кто стоит за похищением? И едет сюда именно для того, чтобы меня переиграть. Нельзя верить ни единому его слову. Ни в коем случае нельзя проявлять слабость.

Только бы Анисья не позвонила раньше!

Поистине, мне везло. Через полтора часа раздался звонок в дверь. Муж деликатно предупредил меня о своем прибытии, хотя мог бы открыть замок своим ключом и просто войти. Но даже в горе он так и остался Иван Иванычем, который каждый раз деликатно стучал в мою спальню перед тем, как исполнить супружеский долг. Когда я открыла дверь, он был бледен, словно полотно. Мало того, у него руки дрожали!

– Зина...

– Проходи, – я посторонилась. – Тебе уже звонили?

– Нет...

«Нет» прозвучало глухо, и сквозняка я не почувствовала. Он и в самом деле был убит горем, это невозможно *так* сыграть.

– Чай? Кофе?

– Виски...

– Господи, да что с тобой?! Ты же не пьешь!

– Я уже сказал: пропала Ангела.

– Подумаешь, сокровище!

– Скажи, чтобы принесли виски, – хрипло попросил Иван Иваныч.

– Кому сказать? – усмехнулась я. – Ты же заблокировал мои счета, и я не могу нанять прислугу. Мне придется самой сделать тебе виски со льдом.

– Я подожду в гостиной.

Он не хотел обсуждать проблему прислуги, все его мысли были об Анжеле.

Какое-то время я пыталась добыть лед. Эти формочки, они все время примерзают. Я остервенело отдирала пластик от днища морозилки. Потом мне пришлось изо всех сил ударить пластмассовую емкость о край раковины. Лед с грохотом посыпался в мойку.

– Что случилось?! – влетел в кухню смертельно бледный Иван Иванович.

– Лед добываю. А ты думал, это выстрел?

– Я теперь готов подумать все, что угодно, – он поежился.

– Твой виски, – я протянула ему стакан. – Что, совсем плохо?

Он молча выпил. Я исподтишка его в это время изучала. Да, он и в самом деле был не в себе. Такое ощущение, что футляр треснул. Из-за меня Иван Иванович никогда так не переживал, даже когда я попала в больницу с воспалившимся аппендицитом. Операцию мне делали без него, хотя ситуация была непростая. Я какое-то время находилась между жизнью и смертью. Но муж проводил важное совещание, и бюджет, который принимали на совете директоров, был гораздо важнее для Иван Ивановича жизни жены. Он решил, что выполнил свой долг, раз у меня есть все, что нужно: отдельная палата, персональная медсестра и врач с громким именем. Все, что можно купить за деньги. А его задача эти деньги заработать. Чувства не входят в преискурант.

– Итак, рассказывай по порядку, – велела я.

– Нечего рассказывать, – он поморщился. – Я поехал к своему партнеру по бизнесу провести вечер в приятной компании. И между прочим обговорить кое-какие детали сделки.

– Между сауной и покером?

– Так все дела делаются.

– И как ты провел время?

– Как всегда, – он вновь поморщился. – Часов в семь позвонил Анжеле, все было в порядке.

– Как она себя чувствовала?

– В каком смысле? – подозрительно уставился на меня Иван Иванович.

– Она любит шампанское.

– Анжела много не пьет! Она же беременна! Вчера в семь вечера она была абсолютно адекватна!

– Допустим. Что произошло дальше?

– Сегодня до обеда я решил ее не беспокоить. А по дороге домой позвонил.

– И что?

– Услышал в трубке «Абонент не отвечает или временно недоступен».

– Ты забеспокоился?

– Нет. С чего?

– А когда ты приехал домой и ее не нашел?

– Разумеется, забеспокоился! – Он слегка повысил голос.

– И что ты стал делать?

– Само собой, я стал звонить! Всем, кто хоть что-нибудь мог о ней знать! Даже ее бесчисленным родственникам, этим нищим попрошайкам, которых я терпеть не могу!

Похоже, он не врал.

– Да, сначала я допросил прислугу. Эту тупую деревенскую девку, которая спала вместе того, чтобы ждать приказаний своей хозяйки!

– И что сказала Анисья? – Я прикусила язык: чуть не проговорилась! Откуда мне знать, кто именно находился вчера при Анжеле?

– Да ничего толкового она не сказала, – начал раздражаться Иван Иванович. – Вроде бы Анжеле на мобильный был звонок, после чего она поспешно вышла из дома. Я подумал, что к братцу опять побежала, к этому попрошайке с лживыми глазами, и кинулся ему звонить. Но он, как оказалось, ничего не знает о своей сестре. Когда и через три часа я не смог ей

дозвониться, а все, кому смог, сказали мне, что ничего об Анжеле не знают, вот тут-то мне в голову и пришла мысль о похищении.

– Сделка крупная?

– Что?

– Я спрашиваю, сделка, которую ты хочешь заключить, крупная?

– В том-то и дело, что самая крупная в моей жизни! Сейчас очень удобный момент, чтобы шагнуть на новую ступень в своем развитии, существенно поднять уровень доходов. Я долго этого ждал и... Дождался, – горько сказал он.

– И ты связываешь это похищение с реакцией на «сделку века» твоих конкурентов? Речь идет о крупном госзаказе, который ты хочешь разместить на своем заводе?

– Ты всегда была неглупа, Зинаида. В нашей стране процветают лишь те, кто оседлал одного из трех китов: нефтегазовую трубу, ЖКХ и госзаказ. Разумеется, не я один хочу заполучить такой жирный кусок. Если речь пойдет о деньгах, я готов выложить любую сумму. Но боюсь, меня будут шантажировать не этим. Мне придется выбирать: либо Анжела, либо бизнес. Я могу потерять все. Все свое имущество и контрольный пакет акций.

– И что ты выберешь?

– О господи, откуда же я знаю?! – Он схватился руками за плешистую голову и начал бегать по кухне как заведенный, повторяя: – Откуда же я знаю? Откуда же я знаю?

Кухня у нас огромная, да еще и потолки высоченные. А Иван Иванович маленького роста и тщедушный. Я бы могла сказать, что он метался по кухне как лев в клетке, но на самом деле выглядело это, как будто мечется пудель по вольеру для выгула сторожевых собак.

– Зина, что мне делать?

– Откуда я знаю?

– О господи! – простонал он и понесся к окну.

И в этот момент зазвонил его телефон. Иван Иванович словно споткнулся и чуть не упал. Посмотрел на меня беспомощно, как ребенок:

– И что делать, Зина?

– Ответь.

Подчиняясь моему взгляду, он достал из кармана мобильник и дрожащим пальцем, не глядя, ткнул в панель:

– Да...

– Господин Царев? – Я, как и хотела, слышала каждое слово. Он включил громкую связь. Ай да Анисья! Какой талант! Честное слово, не знай я, что это она, никогда бы не подумала, что звонит женщина!

– Да...

– Ваша девушка находится у нас.

– У кого у вас? – безжизненным голосом спросил Царев.

– Вы знаете.

– Послушайте... По... – Он судорожно сглотнул и медленно, чуть ли не по слогам, выговорил: – Чего вы хотите?

– Пока мы хотим, чтобы вы знали: Анжела находится у нас.

– Но чего вы добиваетесь?! – взвизгнул Иван Иванович.

– Ведите себя благоразумно. Не ходите в полицию, не звоните в службу безопасности. Иначе вы никогда ее больше не увидите.

Текст писала я, и, честное слово, он был неплох! Ивана Ивановича он, во всяком случае, впечатлил.

– Хорошо, – упавшим голосом сказал муж. – Только я вас умоляю: не причините ей вреда! Она беременна!

– Мы знаем.

– Откуда?

– Мы про вас все знаем.

Я невольно напряглась, потому что это была отсебятина. Как бы Анисья не переиграла! Но Иван Иванович оказался так напуган, что отреагировал в мою пользу:

– Вы что, за мной следили?! Как долго?!

– Будьте благоразумны. Не делайте резких движений. Иначе... – Анисья взяла мхатовскую паузу. Она сделала это так гениально, что я увидела, как Иван Иванович на глазах покрывается потом.

– Я сделаю все, что вы скажете, – пролепетал он.

– Ждите. – И Анисья дала отбой.

– Зина... – прохрипел муж. – Зина... Сердце... Воды...

Я с надеждой смотрела, как он сереет и валится на бок, мысленно восклицая: «Ну же? Ну?!» Все может закончиться сейчас, сию же минуту. Честное слово, я не буду торопиться вызывать «Скорую». Сегодня же я могу стать свободной и богатой.

– Ляг на диван, – сказала я через силу. – Я сейчас принесу тебе лекарство.

За лекарством я ходила так долго, что уже раза три можно было помереть. Но когда я вернулась на кухню, мой Иван Иванович был жив. Лежал на диване с закрытыми глазами, тяжело дыша, но сердце его все еще билось! Вот же Кощей! И что с ним прикажете делать?

– Что так долго, Зина? – прохрипел он.

– Ты же здесь не живешь. И я не сразу вспомнила, где лежат твои таблетки. На, – я сунула ему в рот нитроглицерин. – Ешь.

– Спасибо...

Он медленно двигал челюстями, разжевывая крохотную таблетку. Постепенно к нему стал возвращаться нормальный цвет лица, на что я смотрела с сожалением. Увы. Не сейчас.

– Ты приехал один или с водителем?

– Один.

– И как ты поедешь домой? Мне позвонить ему?

– А можно я останусь? – беспомощно посмотрел на меня Иван Иванович.

– Но тогда получится, что ты изменил Анжеле.

– Какая чушь, – поморщился он. – Она прекрасно знает, что между нами давно уже ничего нет. В смысле интимных отношений.

– То есть она считает, что я ей не конкурентка?

– Ты можешь хотя бы в такую минуту не думать о себе! – взвился он. – О том, что ты потеряла молодость и привлекательность!

– А о чем я должна думать? – огрызнулась я. – О девчонке, которая увела у меня мужа?

– Тебе ее совсем не жалко? – уставился на меня Иван Иванович.

– А разве она меня пожалела? Она ведь считала, что все происходящее с ней и со мной в порядке вещей. И неужели ты думаешь, что она тебя любит? Она просто жадная расчетливая сучка! И незачем по ней так убиваться!

– А ты? – Он впился в меня взглядом. – Разве ты вышла за меня замуж не по расчету?

– А ты? – отплатила я ему той же монетой. – Разве ты женился на мне не потому, что я была самой красивой женщиной в твоём окружении и ты хотел, чтобы тебе все завидовали? Точно так же, как ты купил самую дорогую машину и построил самую шикарную дачу. Точно так же, как ты купил эту квартиру из соображений престижа. Так же ты женился на мне. Мои обязанности, в том числе и постельные, всегда были четко расписаны. И где тут любовь?

– Согласен: я заключил сделку. Ты полностью соответствовала моему социальному статусу, потому что ты всегда умела себя подать. Но ты бесплодна.

– Я?! А сам ты обследовался?!

– Анжела же беременна.

– Еще надо узнать, от кого.

– Я здоров! – Он вскочил. – Я не пью, не курю, веду здоровый образ жизни. Регулярно прохожу обследование.

– Откуда же тогда инфаркт? – съехидничала я.

– От перенапряжения. Я устаю на работе. И потом: возраст. Но детей я иметь могу.

– Я не проверяла: вдруг и я могу?

– Поздно уже проверять, – приложил меня он.

– А почему ты раньше не заводил разговор об этом? Почему не настоял, чтобы я прошла полное обследование у гинеколога?

– *Потому что я не хочу говорить на эту тему.* О женских проблемах.

Это правда: в нашем доме никогда не произносили слово «месячные». Если, щелкая пультом от телевизора, Иван Иванович наткнулся вдруг на рекламу женских гигиенических средств, он делал вид, что ее не существует, равно как и самих средств. И хоть я ни разу в своей жизни не испытала оргазма, мы никогда не консультировались у сексопатолога. Иван Иванович считал, что все в порядке, так и должно быть. Это я туда пошла, в консультацию, всего один раз. И попытавшись поговорить с мужем, как мне посоветовал врач, натолкнулась на его ледяной взгляд.

– Что вам угодно? – «Вам» – это мне и сексопатологу. – Какие такие проблемы, как вы сказали э-э-э? Сексуального, – он еле выговорил это слово, – характера? Я не собираюсь это обсуждать, – отрезал муж. – У меня все в порядке. «Можете быть свободны», – чуть не добавил он свое любимое.

А то, что у меня не все в порядке, его никогда не волновало. Неужели он так переменялся потому, что Анжела испытала с ним оргазм?

– И что ты теперь собираешься делать, Иван?

– Не знаю. Я ведь завещал этому ребенку все свое состояние, – простонал он.

– Что-о?!

– Мало ли что со мной может случиться? Я хотел, чтобы все досталось моему ребенку, а не тебе. И я подписал соответствующее распоряжение.

О! Его адвокаты – асы в своем деле! Собственность, которой Иван Иванович владел до брака со мной, не принадлежит мне по закону. Что же касается приобретенного за те двадцать четыре года, на протяжении которых мы жили вместе, документы были составлены так хитро, что я не имею вообще никаких прав. Да, каюсь, я подписывала все, что мне подсовывали, почти не глядя, мне бы раньше озаботиться своим будущим. Но Иван Иванович был гораздо старше и больше отцом для меня, чем мужем. Скажите: вот вы откажете в просьбе своему отцу? Вы ведь уверены, что в случае чего он о вас позаботится. Это к вопросу о моей доверчивости и доброте. Анистья-то, похоже, права!

Он смотрел на меня вопросительно и молчал. Ожидал моей реакции. Я тоже молчала, потрясенная.

– Я, с твоего разрешения, займу одну из спален, – сказал Иван Иванович.

– Как тебе угодно, – сухо ответила я.

– Ты напрасно на меня сердись, Зинаида.

– А мне ты какое будущее уготовил? – поинтересовалась я на всякий случай.

– За тобой числится мамина квартира, – проскрипел он.

Это об убитой однушке в десяти часах езды от Москвы, в глубокой провинции. Там я жила до того, как поступила в московский институт. Учась на втором курсе, я и встретила Иван Ивановича. Мы познакомились на улице: я шла по Арбату, и он остановил меня с просьбой сфотографироваться вместе, так я была хороша. До сих пор не понимаю, как у него на это смелости хватило? А потом Иван Иванович пригласил меня в ресторан. Я помню, как мы сидели за

столиком, и подвыпивший парень в расстегнутом пиджаке подошел и заплетающимся языком сказал моему будущему мужу:

– Эта девушка бриллиант. Завидую.

Иван Иванович тут же попросил счет, и мы ушли. Тогда еще у него не было ни охраны, ни службы безопасности, и он побоялся, что меня уведут и я так и не стану его женой. А теперь он отправляет меня обратно в провинцию, как товар, потерявший вид и, соответственно, утративший свою ценность.

– Ну а жить мне на что? – поинтересовалась я.

– Я готов выплачивать тебе, ну скажем, двадцать тысяч в месяц.

– Долларов?

– Рублей.

Я не выдержала и расхохоталась.

– Ты всегда можешь пойти работать, – нахмурился он.

Итак, мне предлагалось из хозяйки модного московского салона переквалифицироваться в провинциальную полумойку. У меня просто не было слов.

– Можешь повторно выйти замуж, – великодушно разрешил он. – Я тебе этого не могу запретить. Но тогда ты, соответственно, лишаешься денежного пособия. Твой новый муж о тебе позаботится, как позаботился в свое время я.

– Я отдала тебе свою молодость, – напомнила я.

– Ты тоже неплохо жила все эти годы.

Торгуясь, он забыл об Анжеле. Вот ведь скупердяй!

– Убирайся, – велела я. – Никакой спальни.

– Как тебе будет угодно. Но помни: я давал тебе шанс.

– Шанс? Какой шанс?

– Если бы ты была добра ко мне в моем теперешнем положении...

– То есть я еще могу выслужить прибавку к тем двадцати тысячам рублей, которые ты мне пообещал? И большая прибавка?

– Я вижу, тебе меня совсем не жалко.

– А я вижу, ты быстро оправился от нанесенного тебе удара.

– Я уверен, что смогу договориться с похитителями.

– Неужели ты выберешь Анжелу и пожертвуешь бизнесом?!

– Возможно.

– Честное слово, я ей завидую! Ради меня ты бы на такое никогда не пошел! Если бы меня похитили, ты бы первым делом поинтересовался, где можно получить мое бездыханное тело! Дав понять таким образом, что моя судьба тебя совершенно не заботит. Убивайте ее, маньяки, насилуйте, мне наплевать.

– Зина!

– А что, разве не так?

– Конечно, не так. Разве за двадцать четыре года нашего брака у тебя были какие-то жалобы?

– А у тебя?

– У меня есть к тебе ряд претензий, которые я готов озвучить.

– Да пошел ты к черту!

– Зина...

– Вон!!!

– Зина, я почему-то уверен, что пройдет какое-то время, и ты смягчишься.

– Не исключаю такой возможности. А пока – убирайся!

– Как ты жестока!

Мне еще в раннем детстве говорили, что я – чудовище. Подумаешь, открытие! Я давно поняла, почему все меня считают чудовищем. Я просто называю вещи своими именами. Не лицемерю, не делаю вид, что я хорошая и вообще вегетарианка, больше всего на свете обожаю салатик со спаржей, а не кровавый бифштекс, я не говорю в глаза одно, а за спиной другое. Я давно уже перестала себя стесняться, зачем мне врать? Ну, разумеется, это чудовищно.

А вот муж – прямая мне противоположность. Он – одна сплошная условность. Он никогда не говорит то, что думает. И не признается в поступках, по его мнению, стыдных. А стыдным он считает практически все. Даже войти без стука в спальню к собственной жене и то неприлично.

Пауза затянулась. Он все еще надеется, что я позволю ему остаться. Поэтому я поставила в нашем диалоге жирную точку:

– Уходи, Иван, не зли меня.

– Куда же я пойду? Я только что пережил микроинфаркт.

– Тебе вызвать «Скорую помощь»?

– Нет, зачем же? Хотя бы такси. Я не в состоянии сейчас сесть за руль. – Он посмотрел на меня вопросительно: тебе меня не жалко? Я неотреагировала. Спросила только:

– Почему не личного шофера?

– Я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, понимаешь? Я ведь приехал к тебе ночью. Пойдут толки. Зачем приехал, почему приехал? А я ничем не хочу навредить Анжеле. Ни один человек не должен пока знать, что она пропала.

– Как скажешь. – Я взялась за телефон.

Все-таки он пропустил удар и слегка поплыл, потому что решил вдруг воспользоваться услугами такси. А на дворе стоит глубокая ночь. Раньше бы он никогда так не поступил. Я пожалела, что Коля-и-Толя не водят машину. Вот было бы чудесно, если бы они завезли Иван Иваныча прямо в гуано! И мой Кощей вымазался бы им по уши!

– Зина, а может, все-таки ты позволишь мне остаться?

– Нет!

– Я приеду завтра, чтобы забрать свою машину. А пока она побудет на подземной стоянке.

– Мне все равно. – Я стала набирать номер.

...Он уехал через полчаса, такси подали быстро. И как только он удалился, я набрала Анисю. Мне просто необходимо было выговориться.

– Представляешь, он завещал этому ребенку все свое состояние! – зло сказала я в трубку. – А мне положил двадцать тысяч рублей в месяц! Двадцать тысяч рублей! И квартиру моей мамы! Счастье, что я ее не продала! Мне хотя бы есть где жить! – Я рассмеялась. Мой смех был похож на рыдания.

– Зинаида Андреевна, что с вами? – испугалась Анися.

– О, как же я ее ненавижу, эту девчонку!

– Я все поняла.

– Что ты поняла?

– Да успокойтесь вы, Зинаида Андреевна, все как-нибудь разрешится.

– Позвони ему завтра, слышишь? И как следует его напугай. Что же касается завещания...

– Я все поняла. Бежать надо. Дело-то срочное.

– Да, беги.

– Я отзвонюсь, – деловито сказала она.

Я вытерла слезы. Неужели придется отступить? Вернуть мужу Анжеле? Все равно я ничего не получу. Умрет Иван Иваныч – останется его ребенок.

Ситуация казалась мне безвыходной. Я решила взять паузу и как следует подумать. А что, если попросить у мужа выкуп? Крупную сумму, которая обеспечит мое будущее. И об

Анисье стоит подумать. Ей надо хорошо заплатить, иначе она меня сдаст. Ее вдобавок из-за меня с работы выгнали. Иван Иванович мстителен, он устроит так, что другой работы в Москве Анисья не найдет. А возвращаться обратно в Сибирь она не хочет, ей, похоже, в Москве-то понравилось. Надо хорошенько обдумать детали сделки с Иван Ивановичем. И сумму. А самое главное, как осуществить обмен Анжелы на деньги?

Я еще не знала, что следующий день преподнесет сюрприз, от которого мне станет тошно. А дальше неприятности посыплются, как горох из дырявого мешка.

Мой ад, в приемную которого я подала заявку на расторжение брака, только начинался.

День прошел, как сон пустой

Вообще-то, у Пушкина год: «Год прошел, как сон пустой». Но события развивались так стремительно, что каждый без пользы прожитый день был для меня как год. Поэтому позволю себе заменить один временной отрезок на другой.

Меня опять разбудил звонок. Сначала я подумала, что трезвонит телефон, но потом сообразила: домофон же! Неужели Иван Иванович с утра пораньше явился за своей машиной и решил забежать ко мне за очередной порцией сочувствия в надежде, что за ночь я смягчилась?

– Да? – недовольно сказала я в динамик.

– Зинаида Андреевна, к вам гость, – раздался оттуда взволнованный голос консьержки.

– Гость? Муж, что ли? Так впустите!

– Нет, не Иван Иванович. Мужчина э-э-э... странного вида.

– Что ему надо?

– Говорит, у него к вам срочное дело.

– Да пошел бы он к черту! Я сплю!

– Зинаида Андреевна, это я, – раздался в динамике хриплый мужской голос. Я его не узнала.

– Кто это – я?

– Коля.

– Какой еще Коля?! Коля... – Я растерялась. А где же Толя? И что случилось? По домофону я не могла об этом спросить, консьержка ведь слышала каждое мое слово. Поэтому я поспешно сказала ей: – Впустите.

Пока Коля поднимался в лифте, я носилась по квартире, хватаясь за все подряд. Накинула халат, опрокинула кофеварку, разбила чашку. Откуда он узнал мой адрес?! Это же безумие! Зачем он явился?!

Слава богу, он был трезвый! Я посторонилась и сквозь зубы процедила:

– Проходи.

Коля (кстати, от Толи он ничуть не отличался) мялся в прихожей. Его ботинки оставляли грязные следы на наборном паркете из ценных пород дерева. Он понимал, что портит безумно дорогой пол, и не решался сделать вперед ни шагу. В руках он держал грязную вязаную шапку. Коля теребил ее, явно чувствуя себя не в своей тарелке, но не оставил желания со мной поговорить. Это я видела по его лицу. Видимо, случилось что-то серьезное.

– Я уж туточки постою.

Меня взяла злость.

– Нет уж! Снимай ботинки и проходи!

Он засопел и скинул свои ужасные ботинки. Я прямо-таки чувствовала запах дерьма.

– Извини, я еще сплю, – сердито сказала я.

– Так половина первого!

– Я сова.

Он заморгал. Потому что не догнал. Я окончательно рассвирепела. Много чести объясняться с алкашом!

– Проходи в гостиную, а я глотну кофе. Потому как пока мало что соображаю.

У меня пониженное давление, поэтому пока я не выпью кофе, в моей голове туман, а ноги ватные. Главное, чего я не понимала: откуда он здесь взялся, черт его побери?! И что ему надо?!

На кухне я разбила вторую чашку и вконец распахивалась. Нельзя недооценивать людей. Из двух братниных голов одна оказалась настолько неглупа, что нашла дорогу в мою московскую квартиру. Толя, видать, совсем пропил свои мозги, а вот Коля оказался посообразитель-

нее. Я уже поняла, что в тандеме он – мозг. Хотя и гномий, но все-таки мозг, способный запомнить московский адрес. И кто его знает, на что он способен еще?

«Спокойно, Зинаида, спокойно...» Мне удалось приготовить кофе, и с дымящейся чашкой в руке я направилась в гостиную. Увидев чашку, Коля судорожно сглотнул.

– Ты тоже хочешь кофе? – спросила я.

– Не. А выпить есть?

– О господи!

– Для храбрости, Зинаида Андреевна.

Мне хотелось его убить, но от него теперь зависело мое будущее. Мне надо было покончить с этим как можно скорее, и я ринулась на кухню, оставив на журнальном столике чашку. На этот раз я разбила стакан. Теперь вся кухня была усеяна осколками. Лед ради Коли я добывать не стала, просто налила виски в стакан и понесла незваному гостю.

– На. Пей. И говори скорее: что случилось?

Он тремя жадными глотками выхлебал виски, рыгнул и сказал:

– Прибавить бы.

– Чего прибавить?

– Денег. Дело-то, как оказалось, сложное.

– Кто тебя прислал?

– Ик... брат.

– Какой еще брат? – Я почему-то подумала об Эрике, брате Анжелы.

– Только, кто ж еще?

– Адрес откуда узнали?

– Ик... так Анисья.

– Что-о?!

– Вчера прибежала. Дело-то, говорю, непростое. Мы с братом завсегда. Только деньги, что вы дали, кончились. А за молчание как же?

– Вы... Совсем с ума сошли! – взвилась я. – Сидите и не высовывайтесь!

– Теперь конечно. Понятно мне все теперь-то. Сто тыщ.

– Чего-о?

– Сто тыщ рублей, говорю.

– Да нет у меня сейчас таких денег! Наличными. Ты же не будешь ждать, пока я схожу в банкомат?

– Я бы подождал.

– У меня кредитка временно заблокирована, – почти не соврала я. – Чтобы ее поменять на рабочую, уйдет дня три. – А вот это уже была ложь. Разблокировать мой счет мог только Иван Иванович. Если он через три дня помрет, я получу доступ к деньгам. – Будешь ждать три дня? – Я прекрасно видела, что у него трубы горят и стакан виски этот пожар не зальет.

– Не. – Он судорожно сглотнул. – Это долго.

– Наличных же я при себе много не держу.

– А сколько есть? – жадно спросил он. – Вы того... Лучше заплатите.

– Ты мне что, угрожаешь?

– Сами все понимаете. Небось отсюда-то в тюрьму неохота? – Он выразительным взглядом обвел гостиную и, хмыкнув, кивнул на огромную хрустальную люстру, купленную моим мужем на аукционе за сумасшедшие деньги. Деятнадцатый век, сделана на заказ для царских хором, но отчего-то не прошла кастинг. Так значилось в каталоге, что, впрочем, не повлияло на ее цену. Все равно для царя, и купил ее Царев. Коля всего этого не знал, но угадал верно. Владея такими вещами, как эта люстра, не хочется оказаться на нарах в компании уголовников.

Вот мразь! Взялись меня на пару с братцем шантажировать! Застали врасплох! И Анисья хороша! Вот с кем пора разобраться! Но я пока я не знала, как. Надо дать ему денег, а потом принять меры.

– Хорошо, – сказала я сквозь зубы. – Жди здесь.

Я кинулась в спальню, где лежала моя сумочка. Украшения с бриллиантами ему совать бесполезно, он все равно не понимает их истинной цены. Наличных у меня было тысяч десять разными купюрами. Я выгребла все, не думая о том, что остаюсь совсем без денег. Сейчас спроважу его, оденусь и побегу в ломбард. У меня еще есть что продать, слава богу, Иван Иванович решил не отбирать у меня свои подарки, а коллекция неплохая.

– На. – Я вбежала в гостиную и стала совать Коле деньги. – Десять тысяч, больше у меня сейчас нет. И – убирайся отсюда!

– Экая вы, – он засопел. – Барыня. Только зря вы так.

– Я же дала тебе денег!

– Я ж вам сказал: мало.

– Потом дам еще.

Он встал и неторопливо засунул купюры в карман. Уходить Коля не спешил.

– Чего тебе? – зло спросила я.

– А еще выпить есть?

– Обойдешься! И забудь сюда дорогу, понял?

– Я по делу пришел, – он засопел. – Сказать вам хотел...

И в это время раздался сигнал домофона. Я кинулась к нему:

– Да!

– Зинаида Андреевна, к вам муж поднимается! – выпалила консьержка.

Ай умница! Уж конечно, она не приняла этого оборванца за моего любовника. Но все равно позвонила и предупредила.

– Коля, живо – за дверь! В углу на площадке стоят пустые картонные коробки – спрячься за ними. Как только Иван Иванович войдет в квартиру – беги вниз. Понял?

– Ладно. Но вы этого того... Про деньги не забудьте.

– Будут тебе деньги. Только уходи!

Мне удалось наконец его спровадить. И вовремя! Потому что из лифта вышел Иван Иванович.

– Здравствуй, Зина. – Он немного удивился, увидев, что дверь открыта, а я стою на пороге. Я следила за тем, чтобы он не столкнулся с Колей. – А ты что, меня ждешь?

– Нет. То есть да. Заходи.

Я посторожилась и торопливо закрыла за мужем дверь. Уф! На этот раз пронесло!

– Зачем ты явился, Иван?

– Я же тебе сказал, что оставил вчера на стоянке свою машину. А она мне нужна.

– А как же твоя работа? Час дня! В это время ты обычно занят делами!

– Как я могу думать о делах, когда пропала Анжела?

– Тебе что, опять позвонили?

– Нет, но я думаю, позвонят. Могу я пройти?

– Ты можешь делать все, что тебе угодно.

Он направился в гостиную. Я не сразу сообразила, что избавилась от Коли, но не избавилась от следов его присутствия в доме.

– Чем это здесь так отвратительно пахнет? – Иван Иванович повел носом и замер на пороге. – Похоже, бомжатиной.

– Это мои новые духи, – соврала я.

– Скажи, как они называются, чтобы я их никогда не покупал.

– Я уже их выкинула. – Я продолжала изо всех сил выкручиваться. – Они мне самой не нравятся.

– А это еще что? – он подскочил к столу и схватил пустой стакан, из которого Коля пил виски. – Виски?! С утра?! Это на тебя не похоже.

– Ты сам вчера пил, хоть и трезвенник. Я тоже нервничаю.

– Из-за чего? Из-за Анжелы? Насколько я знаю, ты ее ненавидишь.

– Я нервничаю из-за того, что ты решил оставить меня без гроша в кармане. Ты мне вчера об этом сказал, – напомнила я.

– Я в курсе, как брошенные жены олигархов превращаются в алкоголичек, – важно кивнул он.

– Ты себе льстишь, – поддела его я. – Ты, Иван, не олигарх.

– А ты вообще ноль без палочки, – разозлился он. – Единственное, что у тебя было, – твоя красота. А теперь, когда ты состарилась, ты превратилась в пустое место.

– Что же ты пришел к пустому месту за советом?

– Давай не будем ссориться, Зина, – пошел он на попятную. – Мне и в самом деле был звонок. Только звонили не похитители.

– А кто? – искренне удивилась я. Неужели братья настолько обнаглели, что позвонили моему мужу?!

– Брат Анжелы, Эрик. – Иван Иванович поморщился, будто от кислого.

– Эрик? А что ему нужно?

– Я вчера имел неосторожность сообщить ему, что Анжела пропала. Теперь он хочет знать, что с ней случилось.

– Скажи ему, все, мол, в порядке. Да сядь ты наконец! Что ты передо мной маячишь?

Он сел на диван аккуратно на то место, где до него сидел Коля, и брезгливо отодвинул пустой стакан.

– Видишь ли, Зинаида, телефон Анжелы по-прежнему не отвечает. Я ему, конечно, скажу, что с его сестрой все в порядке, только он не поверит. Потребуется предъявить Анжелу. Я не могу ему в этом отказать, поскольку он близкий родственник.

Я задумалась. Да, задачка.

– И что делать? – спросил Иван Иванович.

– Анисья! – сообразила я. – Пусть позвонит ему от имени Анжелы и ее голосом скажет, что все в порядке. Заночевала, мол, у подружки, а мужу не сказала.

– Анисья? Какая Анисья? – уставился на меня Иван Иванович.

«Которую ты вчера уволил!» – чуть не ляпнула я, но вовремя спохватилась. Иван Иванович сказал, что уволил вчера прислугу, но имени ведь не назвал. Я едва себя не выдала!

– Помнишь повариху? Сибирячка. Толстая такая. Она гениально подражает всяким голосам. Гениальнее всего мужским, но и у Анжелы голос низкий. Почти мужской. Я уверена, что Анисья справится.

– Ах, эта... – Он опять сморщился, словно лимон прожевал. – Видишь ли, Зина, я ее вчера уволил.

– Зачем?!

– Так это она проспала Анжелу! Именно ей я велел исполнять любой каприз своей жены. «Жены!» Вот как меня опустили. И я должна все это терпеть!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.